

Министерство образования Республики Беларусь

Учреждение образования «Могилевский государственный университет
им. А.А. Кулешова»

Исторический факультет
Кафедра археологии и
специальных исторических дисциплин

Допущена к защите «__» _____ 200_ г.

Декан _____

В.В. Борисенко

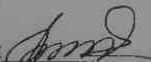
Зав. кафедрой _____

И.А. Марзалюк

ДИПЛОМНАЯ РАБОТА

Каменный век бассейна реки Друть

Студентки _____

Т.Г. Барановской

V курс группа «Б» исторического факультета
дневного отделения

Научный руководитель _____

А.В. Колосов

кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии
и специальных исторических дисциплин

Могилев, 2009г.

Реферат
Дипломной работы

Студентки V курса группы «Б» дневного отделения исторического факультета Могилевского государственного университета им. А.А. Кулешова Барановской Татьяны Геннадьевны
на тему: «Каменный век бассейна реки Друть»

объем работы:	50 страниц
количество использованных источников:	53 источник
количество приложений:	3 приложения
ключевые слова:	каменный век, финальный палеолит, мезолит, неолит, Друть, гренская культура, верхнеднепровская культура
предмет:	процесс заселения р. Друть и развитие хозяйства и общества в каменном веке
объект:	памятники каменного века бассейна р. Друть
цель:	систематизация и обобщение материалов, полученных в результате изучения памятников каменного века бассейна р. Друть
методы:	общенаучные методы анализа и синтеза, обобщения и систематизации, критический анализ научных публикаций, компиляционный подход к изучаемой проблеме

Содержание:

Введение.....	4
Глава 1. История изучения каменного века бассейна р. Друть.....	6
Глава 2. Физико-географический и палеогеографический очерк.....	15
Глава 3. Процесс заселения бассейна р. Друть в каменном веке.....	20
3.1. Финальный палеолит.....	20
3.2. Памятники мезолита.....	28
3.3. Памятники неолита.....	33
Глава 4. Развитие хозяйства и общества в каменном веке бассейна р. Друть.....	39
Заключение.....	48
Литература.....	51
Приложение.....	55

Древняя история человечества условно разделена на три крупных эпохи, главным отличием которых является материал для изготовления орудий труда – это каменный, бронзовый и железные века. Каменный век – древнейший период археологической периодизации. В свою очередь он подразделяется на палеолит (2,5 млн. лет назад – 10 тыс. лет назад), мезолит (10–7 тыс. лет назад), неолит (7–5 тыс. лет назад). Начинается он с появления первых каменных орудий и завершается знакомством с металлами, их удивительными свойствами и огромными возможностями. Хронологически история человечества охватывает свыше 2 млн. лет, из них на долю бронзового и железного веков приходится немного более 5 тысяч лет, или 0,25 % всей продолжительности истории. Не будет преувеличением сказать, что человеческая история – это по-существу история каменного века, особенно если учесть, что население отдельных регионов широко использовало камень для изготовления орудий труда и оружия вплоть до 15–17 вв. Только в последние «исторические мгновения» человечеству удалось освободиться от «каменных объятий». Ни кость, ни дерево, ни другие материалы, известные древнему человеку, не выдерживают соперничества с камнем. Повсеместная распространенность, доступность, обладание таким ценным качеством, как твердость, способность подвергаться обработке, делали камень незаменимым материалом в производственной деятельности человека.

Благодаря устойчивости к разрушению каменные орудия в огромных количествах сохранились до наших дней, «пережив» своих спутников – изделия из кости и дерева, являясь преобладающим видом вещественных источников. Именно благодаря камню мы можем составить представление об этапах и темпах развития первобытной культуры.

История изучения каменного века бассейна реки Друть насчитывает около 150 лет. Важные результаты были получены А. Д. Коваленей, В. Ф. Копытиным, И. И. Артеменко, Я. Г. Риером, Э. М. Зайковским, К. М. Поликарповичем, Л. Д. Поболем, В. М. Чернявским., благодаря которым территория данного региона перестала быть белым пятном на археологической карте Беларуси. В ходе экспедиций накоплено достаточно много материала, который позволяет реконструировать жизнь человека каменного века в данном регионе. Однако на сегодняшний день нет

обобщающих работ по бассейнам малых рек. Неисключением является и река Друть (правый приток Днепра), что и определяет актуальность данной темы.

В результате изучения коллекций хранящихся в лаборатории МГУ им А. А. Кулешова, Могилевском областном краеведческом музее, а также разнообразной литературы убедило меня попытаться обобщить материалы этого региона.

Целью данной дипломной работы является систематизация и обобщение материалов, которые были получены в результате изучения памятников каменного века бассейна реки Друть.

Для раскрытия данной темы необходимо решить следующие задачи:

- 1) изучить источниковедческую базу и историографию проблемы;
- 2) дать физико-географическую и палеогеографическую характеристику региона;
- 3) проследить процесс заселения бассейна р. Друть в каменном веке на примере памятников финального палеолита, мезолита и неолита;
- 4) охарактеризовать развитие хозяйства и общества в каменном веке по материалам бассейна р. Друть.

Объект исследования - памятники каменного века бассейна р. Друть.

Предмет исследования - процесс заселения р. Друть и развитие хозяйства и общества в каменном веке.

Методологической основой исследования явились принципы историзма и объективности в сочетании с ценностным подходом. Решение поставленных задач достигалось с помощью следующих методов исторического исследования: историко-сравнительного, системного подхода, историко-логического. Научная новизна и значимость результатов в том, что данная работа представляет собой попытку проследить процесс заселения именно этого региона в каменном веке.

Глава 1. История изучения каменного века бассейна реки Дзурь

История изучения каменного века данного региона насчитывает более 150-летний промежуток времени, а становление научных взглядов в отношении этой эпохи – около века. Знакомство с историографией вопроса позволяет разделить историю археологического изучения на четыре периода: 1) дореволюционный; 2) период между установлением Советской власти в Беларуси и началом Великой Отечественной войны; 3) послевоенный; 4) современный [32, с. 3]. Первые документы с упоминанием археологических памятников Белоруссии относятся к 16 в., где они фигурируют как географические понятия. Однако население их всегда выделяло, а тогда еще и помнило первоначальное назначение [3, с. 146].

Нужно сказать, что периоду становления археологии камня предшествовал длительный период собирания археологических древностей, которые ещё в 16-17 вв. были достоянием коллекций знаменитых тогда магнатских и шляхетских родов [5, с. 8]. Среди уникальных предметов живописи и искусства в коллекциях этих родов находилось бесчисленное число археологических находок, в основном рубящих шлифованных и сверленных орудий. В 16 веке идея Возрождения пришла и на территорию Беларуси. Интерес к прошлому своей Родины, культурному наследию ее населения значительно возрос. Развитие исторического краеведения отражалось в сборе исторических документов, написании летописей, хроник, мемуаров и исторических публикаций [4, с. 85]. Ученые обратили внимание на те древние вещи, которые попадались в некоторых местах Беларуси, сравнивали их с увиденным в других странах [2, с. 7]. Начало было положено Радивилами. В их коллекции попали каменные топоры с окрестности Несвижа и других мест. Одновременно сбором древностей занимались Сапеги, Тезенгаузы, Храповичи. Одна из первых археологических коллекций появилась у И. Храповича при библиотеке в Щерсах. В Подвинье их собирали М. Борх, Ф. Крузе, А. Плетар, в округе Гомеля – граф М. П. Румянцев, возле Гродно – А. Глебович [5, с. 8].

После вхождения белорусских земель в состав Российской империи в конце 18 – начале 19 вв. ситуация резко изменилась. Это время, когда усилился интерес к истории и культуре ко вновь «приобретенным землям» Северо-Западного края. Это время, когда начались первые систематизации

находок эпохи камня в рамках музейного коллекционирования. Основу их составляли магнатские коллекции, большая часть которых, увы, была утрачена или ушла за границу вслед за своими хозяевами, не присягнувшими царской власти, или просто разворованными. Начиная с конца 1850 года разворачивается активный научный поиск предметов старины, собираются огромные коллекции находок (Е. Тышкевич – 445 единиц, Вильчинский – 600, Глогер – 300) [5, с. 8]. Возле деревни Эсьмоны и у деревни Будники Бельничского района Н. П. Авенариус обследовал городища, собрал коллекцию из 125 каменных топоров, ставших основой для многочисленных публикаций [29, с. 6].

Крутым поворотом в изучении каменного века стал 1869 г., когда на I Археологическом съезде могилёвский исследователь П. Муромцев предложил картографировать обнаруженные находки [30, с. 21]. Тем самым были заложены основы научного поиска и изучения памятников каменного века. Доклад стимулировал не просто начало преднамеренных поисков древних стоянок и создание каталожных сведений о них с указанием точных местонахождений и подробным описанием найденных вещей, но и создание археологических карт в масштабах губернии.

В 1870-х гг. подобную работу по созданию археологической карты Могилёвской губернии начал проводить Е.Р. Романов. Первый вариант карты был представлен «в готовом виде, с подробными записками и нанесением на десятиверстную карту Стрельбицкого» к VIII Археологическому съезду, который состоялся в Москве в январе 1890 года [33, с. 6]. Существует предположение, что публикации археологической карты Е. Р. Романова чинил препятствия губернатор А.С. Дембовецкий. Более того, исследователи обнаружили предписание могилевского губернатора полицейским чинам от 14 марта 1893 года о сборе самых точных сведений, необходимых для составления археологической карты губернии к предстоящему в г. Вильно IX Археологическому съезду. Очевидно, полицейские урядники и становые приставы с археологической задачей не справились и в изданиях съезда «полицейская» карта А. С. Дембовецкого, как и археологическая карта Е. Р. Романова, не увидели свет [33, с. 7]. Е. Р. Романову, принимавшему активное участие в подготовке и проведении IX Археологического съезда, состоявшегося в августе 1893 года, удалось лишь опубликовать небольшую заметку «...о дополнительных археологических местонахождениях». (Уместно отметить, что неизданная карта Е.Р.Романова не потеряла своего значения до нашего времени). В 1971 году Г.А. Кохановский обнаружил подготовительные материалы к этой карте в Центральном государственном архиве Украины в г. Львове. Став

достоянием науки, материалы Е. Р. Романова являются справочником, к которому обращаются современные археологи в поисках памятников, обнаруженных еще в прошлом веке [5, с. 5].

Вторая половина 19 – начало 20 вв. стало временем первых открытий стоянок каменного века и первых научных обобщений. В Протоколах заседания Московского археологического общества от 1888 года значится, что особый интерес в окрестностях д. Чигиринки, на правом берегу р. Друть представляют сведения о находках каменных орудий. К настоящему времени это одно из первых упоминаний об археологических материалах эпохи каменного века на Кировщине [30, с. 20]. На рубеже веков Е.Р. Романовым были обследованы и открыты стоянки на территории Могилёвской губернии и Гомельского уезда, а сами памятники каменного века изучались спорадически (в основном предпочтение отдавалось изучению курганных древностей и городищ).

Широкую известность получили полевые изыскания Е. Р. Романова на Быховщине. В 1903 году он обследовал северную окраину д. Новый Быхов и открыл здесь комплекс археологических памятников, в том числе и две стоянки каменного века [5, с. 7]. На развееванных песках вдоль правого берега Днепра собрал выразительную, более сотни, коллекцию кремневых орудий, включавшую ножи, стрелы, пилы, и отметил наличие двух мастерских, где эти орудия изготавливались из больших кусков разноцветного кремня. [30, с. 21]. Изучение памятников каменного века продолжает базироваться на отдельных и разновременных находках из случайных сборов и коллекционировании определенных типов каменных орудий, главным образом, топоров, поступавших в Могилевский, Виленский, Минский музеи, а также в музеи центральных городов России. Коллекция из 589 предметов находилась у Е. Р. Романова, предлагавшего ее приобрести Археологической комиссии [5, с. 8].

С конца 19 века в периодической печати появляется ряд сообщений о результатах обследования стоянок, в основном, неолитической эпохи. Однако планы местонахождений отсутствовали, квалифицированного описания находок не производилось. Не было и попыток, за исключением Е.Р. Романова, использовать имеющийся материал для каких-либо предварительных выводов исторического порядка [29, с. 22].

Начало первой мировой войны и политические события в России в 1917 году на время прервали археологические исследования. Увы, дореволюционные сборы Е.Р. Романова и его современников были утрачены, а заслуги дореволюционных исследователей в довоенное время, особенно в

1930-е годы были преданы забвению. Новый этап археологического изучения связывают с появлением научных учреждений в созданной в 1919 г. БССР. После окончания первой мировой и гражданской войн начался процесс становления белорусской археологии. В 1919 году было сформировано первое государственное археологическое учреждение – Археологическая комиссия при Наркомпросе Литовско-Белорусской республики [30, с. 21].

До Октябрьской революции Белоруссия не имела ни высших учебных заведений, ни научно-исследовательских учреждений, которые бы занимались археологическими исследованиями. Лишь после установления Советской власти начались планомерные, поставленные на научную основу археологические исследования, причем они сразу получили государственное значение. После окончания гражданской войны и в Белоруссии были организованы учреждения, которые взяли на себя руководство по учету, охране и изучению археологических памятников республики.

В 1921 г. при Народном Комиссариате просвещения БССР была создана Научно-терминологическая комиссия, подраздел которой (Научно-экспертная комиссия) провел большую работу по выявлению и учету памятников, предварительно разослав на места «Опросный лист» [15, с. 9]. Это мероприятие способствовало развитию краеведческого движения в Белоруссии. Функции Научно-терминологической комиссии в 1922 г. были переданы институту Белорусской культуры (Инбелкульт). В 1925 г. при Инбелкульте была создана Историко-археологическая комиссия, в состав которой вошли крупные ученые того времени: М. В. Довнар-Запольский (председатель), А. Н. Лявданский, К. М. Поликарпович, С. А. Дубинский, И.А. Сербов и др.

Большое значение имело создание в 1929 г. на базе Инбелкульта Академии наук БССР, а при ней Института истории. Еще в 1927 г. при Инбелкульте был создан археологический орган – Кафедра археологии, которая в 1930 г. вошла в состав Института истории АН БССР под названием «Археологической комиссии» [15, с. 11]. В 1932 г. «Комиссия» была переименована в «Секцию археологии» и под этим названием действовала до 1944 г., когда был создан «Сектор археологии» Института истории АН БССР [14, с. 123].

Историко-археологическая комиссия организовала систематические и планомерные исследования археологических памятников Белоруссии. Эти экспедиции выявили огромное количество разновременных археологических памятников [5, с. 12]. С этого времени на территории республики начались

планомерные систематические полевые исследования по единой научной программе. Не был исключением и бассейн р. Друть. В 1926 г. в Минске состоялся первый съезд белорусских археологов, на котором выступил И. А. Сербов с докладом: «О результатах археологических исследованиях около Нового Быхова и на Среднем Соже», где дал характеристику материалам, собранным в 1925 г. на стоянке «с микролитами» [27, с. 29]. Как убедительно показали В. С. Вергей и Л. В. Алексеев, 1920-е годы были временем становления и расцвета археологии и краеведения Беларуси [29, с. 29]. Почти невероятным кажется то, что было сделано белорусскими археологами в труднейших условиях двадцатых годов. Так, изучением памятников археологии Быховского района наряду с И. А. Сербовым и С. С. Шутовым занимались А. Д. Коваленя и К. М. Поликарпович. В 1926 г. С. С. Шутов открыл стоянку неолита в пойме левого берега Днепра на берегу оз. Олешное, в 2 км восточнее Быхова, две стоянки каменного века и два у д. Обидовичи, стоянки каменного века в урочище Тетерки. В 1928 г. выявлением и изучением памятников эпохи камня на берегах Днепра занимался К. М. Поликарпович, открывший только в окрестностях д. Веть пять стоянок того времени, серию стоянок в окрестностях Быхова на дюнных всхолмлениях левого берега Днепра [30, с. 29].

Таким образом, в 1920-е годы прошлого столетия, несмотря на неимоверные трудности и лишения восстановительного периода, небольшой коллектив белорусских археологов провел широкие экспедиционные работы на территории современного Быховского района. Значительных успехов археологи добились в выявлении памятников каменного века, что было особенно важно, поскольку в дореволюционное время здесь получили известность только три стоянки (Коромка, Новый Быхов) и создавалось ошибочное представление о слабой заселенности Быховского течения Днепра в древности. В 1930 г. был организован Институт истории, а при нем секция (потом — сектор) археологии. В это время исследователи широко использовали сведения о древних памятниках, которые поступали из краеведческих организаций и музеев, целенаправленно произвели около 50 экспедиций. Разведки на участках долин Днепра, Ипути, Беседи, Березины, Друти осуществили А. Н. Лявданский, А. Д. Коваленя, А. В. Кротов, С. Х. Бабарикин, С. С. Шутов, В. Р. Тарасенко, И. Х. Ющенко, И. Г. Калодкин, Е. Ф. Бузанов, К. И. Керножитский, Д. М. Василевский, М. М. Канвисаров, М. М. Улащик, С. А. Дубинский, И. А. Сербов и др. [12, с. 14]. В эти годы помимо разведок начались небольшие стационарные

раскопки некоторых поселений. Результаты их опубликованы в трех томах «Прац», вышедших в 1928 – 1932 гг. [26, с. 6].

Летом 1930 г. па заданию Археологической комиссии БАН были осуществлены разведки в верховье р. Друть по обеим сторонам от верховья до линии Могилев-Осиповичи. В ходе этой экспедиции на территории Круглянского района Лявданским было открыто поселение эпохи неолита Малая Арава и в Бельничском районе стоянка-1 неолита Лубяны [25, с. 187].

Начиная с 1931 г. археологические исследования в Восточной Беларуси начали сворачиваться. Репрессии 1930 – 1938 гг. практически прервали изучение первобытной эпохи [5, с. 11]. В русле борьбы с «нацдемовщиной» были репрессированы А. Н. Лявданский и А. Д. Коваленя, которые в 1937 г. были расстреляны. Среди археологов-каменщиков продолжал работать К. М. Поликарпович.

Непоправимый урон белорусской науке был нанесен во время Великой Отечественной войны. Часть коллекций оказалась разграбленной, часть погребенной под руинами Белорусской Академии наук. Основной центр научных исследований в БССР – Академия наук – подвергся варварскому ограблению и разрушению вплоть до сожжения здания Академии наук. Собранные до 1941 г., т. е. до начала войны, большие археологические коллекции, хранившиеся в Институте истории Академии наук БССР и в Белорусском историческом музее в Минске, были увезены в Германию, и обратно была возвращена только их часть. Расхищению фашистами подверглись археологические коллекции и других музеев Республики. Вместе с освобождением территории БССР из-под ига германского фашизма началось и возрождение научной деятельности в ней [14, с. 125].

В годы войны белорусские ученые вынуждены были работать на благо отечества от немецко-фашистских захватчиков. На полях боя, например, мужественно сражались Л. Д. Поболь и В. Р. Тарасенко. Другие ученые продолжали работу в науке, например К. М. Поликарпович был эвакуирован в Казахстан, где до 1944 г. открыл около 30 памятников археологии. В 1944 г. возобновляет свою работу секция археологии Института истории, переименованная теперь в сектор археологии [47, с. 5].

В 1950-е гг. происходит заметный рост кадров – белорусская археология пополняется новыми исследователям. Широкие разведки развернулись на всей территории Беларуси. Систематические раскопки производились в Поднепровье, эпизодические – в бассейне других рек [5, с. 11]. В послевоенный период новые поколения археологов, опираясь на достижения предшественников, развернули широкие исследовательские

работы, которые до аварии на Чернобыльской АЭС проводились почти ежегодно на протяжении последних трех десятилетий в Быховском Поднепровье. Материалы этого времени отражены в отчетах исследователей, хранящихся в архиве Института истории АН Беларуси, в многочисленных статьях и монографиях, в энциклопедических изданиях.

Белорусские археологи вместе со своими коллегами из Москвы и Ленинграда практически заново создавали источниковедческую базу, во многом расширили тематику исследований, начали вычленять важнейшие археологические культуры, разрабатывать вопросы их датировки и этнической принадлежности. На этом этапе, по мере увеличения количества раскопанных памятников, неизмеримо возросли возможности получения исторической информации от археологических материалов и проникновения в тайны древнейшей истории [30, с. 31]. С 1956 г. изучение памятников неолита и бронзового века в Верхнем Поднепровье проводил Белорусский отряд Института археологии АН СССР под руководством И.И. Артеменко. В 1959 году были исследованы два неолитических памятника (стоянки) у д. Веть, материалы которых хранятся в Могилевском областном краеведческом музее. В изучении археологических памятников Быховского района большая заслуга по праву принадлежит Л. Д. Поболку [30, с. 32].

В середине 1960-х – 70-е годы в изучение памятников каменного века активно включилась новая группа белорусских археологов – В. Ф. Исаенко, М. М. Чернявский, Е. Г. Калечиц, В. Ф. Копытин, В. П. Ксензов [5, с. 12]. В результате исследований по мезолиту В. Ф. Копытина, В. П. Ксенова в 1970-е годы произошло многократное увеличение раскопанных площадей, накопление массового материала. Главной задачей их работы стали вопросы хронологии, генезиса и исторических судеб мезолитического населения Восточной и Центральной Беларуси. В. Ф. Копытин открыл в долине Днепра, Сожа, Друти, Прони, Баси более 50 памятников каменного века, раскопал около 20 мезолитических памятников [30, с. 13]. Также И. И. Артеменко в 1968 году была открыта стоянка эпохи неолита Угольщина в Бельничском районе [29, с. 21]. В 1973 – 1974 гг. Я. Г. Риер провел сплошное обследование территории Быховского района и открыл большую группу новых памятников, среди них местонахождение каменного века на восточной окраине Быхова, две стоянки неолита на левом берегу Днепра у д. Прибор и неолитическое поселение на левом берегу Друти у д. Твердовщина [30, с. 14]. В 1977 г. О. Л. Липницкая провела обследование окрестностей д. Веть в поисках шахт по добыче кремня и мастерских по первичной обработке кремневого сырья.

В 1972 г. было положено начало систематическим стационарным раскопкам памятников финального палеолита и мезолита в Быховском районе, которые проводит археологический отряд Могилевского пединститута под руководством В.Ф. Копытина [30, с. 21]. В 1977 году, при подготовке Свода памятников истории и культуры по Могилевской области, археологическим отрядом Могилевского государственного педагогического института им. А. А. Кулешова под руководством Копытина В. Ф. было проведено сплошное обследование территории Крутынского района. В 1989 году экспедиция Могилевского пединститута продолжила археологические разведки. В результате были открыты новые памятники и обследованы ранее известные [32, с. 10].

В 1982 году Э. М. Зайковским были проведены поиски памятников неолита на берегах р. Друть в Бельничском районе [21, с. 86]. Поисками был охвачен участок левого берега начиная от Бельнич и на север до д. Лубяное. В южной части Бельничского района исследован участок на правом берегу от границы района и до деревни Угольщина Тухинского сельсовета.

В 1981 году археологический отряд исторического факультета Могилевского пединститута ныне Могилевский государственный университет им. А. А. Кулешова под руководством В. Ф. Копытина провел раскопки неолитической стоянки на правом берегу р. Друть южнее д. Подселы [29, с. 10]. Материалы, полученные в ходе работ, переданы в Могилевский областной музей. В том же году, во время проведения маршрутной разведки по Друти от Бельнич до Рогачева была открыта стоянка эпохи мезолита в окрестностях д. Чигиринка, на которой неоднократно собирался подъемный материал. Позднее, в 1987 и 1991 годах, здесь проводились стационарные работы, шурфовка и раскопки на площади 100 м. Обнаружено большое количество находок: нуклеусы, наконечники стрел, острия, скребки, резцы, изделия с выемкой, рубящие орудия, проколки и др. Анализ полученных материалов, условия залегания культурных остатков дали возможность предположить, что памятник являлся сезонным лагерем охотников и датируется мезолитическим временем [31, с. 51].

Стоянка Угольщина, расположенная на излучине правого берега р. Друть, в 120 м ниже устья р. Малыш (правый приток Друти), в 1 км южнее деревни была открыта в 1991 г. В. Ф. Копытиным в ходе проведения маршрутной разведки [53, с. 44]. В том же 1991 г. на стоянке была заложена траншея 18 кв. м. Обнаружены многочисленные продукты расщепления кремня: пластины, отщепы, нуклеусы и мелкие осколки, а также орудия труда: наконечник стрелы, острие, пластины-вкладыши, ножи, изделия с

выемками, концевые скребки, резец на углу сломанной заготовки, овальный топорик и многочисленные фрагменты лепной керамики с ямочно-гребенчатым орнаментом. В 1993 году раскопки на памятнике были продолжены Чернявским В. М., к исследованному траншеей участку был прирезан раскоп площадью 138 кв. м [53, с. 44].

В 1982 году В. Ф. Копытиным в Кировском районе была открыта мезолитическая стоянка у д. Прибор [50, с. 518]. В 1987 г. на последней вскрыто 15 кв. м культурного слоя. Результаты работ подтвердили предварительную датировку памятника мезолитическим временем. В 1987 году В. Ф. Копытин исследовал неолитическую стоянку на правом берегу р. Друть возле д. Подсёлы. Обнаружены кремневые орудия труда и немногочисленные фрагменты керамики [31, с. 24]. Весной – летом 2001 г. археологический отряд исторического факультета МГУ им. А. А. Кулешова провел сплошное обследование Кировского района. В результате полевых работ в районе отмечен сто двадцать один археологический памятник, в том числе и ряд новых, относящихся к разным этапам древней истории региона. Среди них: стоянки каменного века южнее д. Мышковичи (две), на западной окраине д. Бересневка (две), на левом берегу р. Крыница у д. Гута, на правом берегу р. Ольса возле д. Игнацовка (две), на дюнном всхолмлении в пойме р. Ольса поблизости от д. Любоницы, на правом берегу р. Хмелинка у д. Немки территории Кировского района [31, с. 25].

Таким образом, как уже отмечалось выше, история изучения данного региона насчитывает несколько десятков лет. За это время накоплен значительный объем информации, открыто много памятников, оставленных населением р. Друть на протяжении нескольких тысячелетий. Важные результаты были получены А. Д. Коваленей, В. Ф. Копытиным, И. И. Артеменко, Я. Г. Риером, Э. М. Зайковским, К. М. Поликарповичем, Л. Д. Поболем, В. М. Чернявским, благодаря которым территория данного региона перестала быть белым пятном на археологической карте Беларуси.

Глава 2. Физико-географический и палеогеографический очерк

Данный регион включает Толочинский, Круглянский, Бельничский, Быховский, Кировский и Рогачевский районы, общей площадью в 9,5 тыс. кв. км. По этой территории протекает река Друть, которая для Круглянского и Бельничского районов является главной водной магистралью.

Друть – четвертая по величине река области, правый приток Днепра [16, с. 104]. Ее длина составляет 295 км. Река начинается с Оршанской возвышенности на северо-запад от деревни Раздольная Толочинского района и протекает с севера на юг через Центральную-Березинскую равнину по Могилевской и Гомельской областям [17, с. 122]. Основными притоками Друти являются: Кривая, Неропля, Вабиц, Орлянка, Болоновка, Ослик, Малыш и др. Общая длина речной системы составляет 2 тыс. км, а густота речной сетки равна 0,39 км/кв. км. Общая площадь водосбора составляет 5020 кв. км. Рельеф северной части холмистый, а южной части – плоский с редкими холмами. Почвы супесчаные, песчаные, торфяно-болотные, реже – суглинистые. Леса покрывают 37% территории и в большинстве смешанные с преобладанием хвойных пород. Долина реки до впадения в нее р. Кривой нечеткая, ниже – трапецевидная, шириной около 1,5 – 2,5 км. Склоны порезаны высотой 8-30 м до г. Бельнич, они открыты и находятся под пашней, ниже по течению в основном укрыты лесами. Левый же склон Друти преимущественно упадистый, правый умеренный, но иногда обрывистый [13, с. 174]. Пойма реки преимущественно двухсторонняя (на отдельных участках в низине левобережная, в верхнем течении затоплена Тетеринским водохранилищем, в нижнем – Чигиринским), открытая, луговая. В приречной части поверхность ровная, местами холмистая, пересеченная пересыхающими каналами. При разливе в верхнем течении затопливает на глубину 0,5-1 м сроком на 6-12 суток, а в среднем и нижнем течении степень затопленности зависит от регуляционного воздействия водохранилищ. Русло реки сильно извилисто, оно свободно мандрирует и ниже впадения р. Вабиц разветвляется на притоки рукавами с многими заливами. Ширина реки варьирует от 10-20 м в границах верховья, до 30-50 м ниже, в границах водохранилищ составляет 0,9 км [49, с. 216].

Правым притоком Друти является река Малыш (длинной 29 км), которая находится на территории Бельничского района. Средний наклон

водной поверхности равен 1%. Водосбор в границах Центрально-Березинской равнины составляет 234 кв. км [51, с. 288].

Левый приток Друти — река Кривая, протекающая в Толочинском районе, ее длина 46 км. Водосбор на юге Оршанской возвышенности составляет 242 кв. км. Рельеф среднехолмистый, под лесом находится 27% территории (участки смешанного леса с преобладанием ели, распространены в средней и нижней части водосбора). Долина реки на большом расстоянии хорошо разработана, имеет трапециевидную форму шириной от 0,6 до 1 км. Склоны умеренно обрывистые высотой от 20 до 30 м перерезаны сеткой мелиорационных каналов, преимущественно открытые, в нижнем течении укрыты лесом, пойма реки достаточно узкая, от 200 до 500 м, по берегам луговая, сложенная с суглинистых и супесчаных грунтов. Русло иногда очень извилистое, а берега местами обрывистые, высотой от 0,5 до 1 м среднегодовой расход воды в устье 1,6 кв м /с, на период весеннего разлива приходится 69% годовых стеков [51, с. 18].

На территории Круглянского и Бельничского районов длиной 74 км находится левый приток р. Вабич, водосбор которой в западной части Оршанско-Могилевской равнины составляет 565 кв. км. Пойма реки двухсторонняя, преобладает ширина 0,2 — 0,4 км, берега низкие, заболоченные. Наибольший уровень паводок наблюдается в третьей декаде марта, замерзает в середине декабря. На весенний период приходится 52% годовых стоков. Долина в верховье слабо очерчена, в среднем и нижнем течении трапециевидная, шириной 0,6 км [49, с. 391].

Поверхность региона равнинная и расположена в границах физико-географического района Центрально-Березинской равнины, которая протянулась с севера на юг на 165 км, с запада на восток от 90 до 170 км, общей площадью 28,1 тыс. кв. км [52, с. 393]. Рельеф равнины сформировался под воздействием ледников Березинского и Сожского оледенения. Преобладают высоты 150-180 м над уровнем моря, в восточной части на 20-30 м ниже. На междуречьях находятся верховые и переходные болота, в долинах рек и понижениях — низинные. Среди полезных ископаемых известны: калийные и каменные соли, глины, строительные и силикатные пески, мел, минеральные воды и др [17, с 76].

Регион расположен и в южной части Оршанской впадины. Вверху залегают породы антропогенного возраста мощностью от 5-10 до 50 м, в строении которых сверху вниз участвуют образования Сожского, Днепровского и, реже, Березинского оледенений, ниже меловые 5-60 м, юрский 10-60 м, девонский 200-240 м отложения, а также отложения вендра

и рифею мощностью 500-900 м. Мощность платформенного чехла равна 850 м. Под ним на глубине от 700 до 1100 м ниже уровня моря находятся породы кристалльного фундамента. Также известно много местонахождений торфа, общим запасом около 300 мл тонн [49, с. 366]. Таким образом, этот регион богат полезными ископаемыми, благоприятными почвами, что оказывало влияние на освоение его в древности.

Историю заселения территории Белоруссии и природные условия, в которых существовал человек, правомерно рассматривать с мустьерского времени, это значит с эпохи муравинского межледникового, с началом которого по всей территории распространялись смешанные березово-хвойные леса с примесью ели, которые постепенно сменились хвойными лесами с березой.

Ландшафтные структуры муравинского межледникового и голоцена похожи, а климатические похожи только частично. Климат муравинского межледникового отличается большей теплообеспеченностью и увлажненностью, чем даже оптимум голоцена.

После хорошо изученного муравинского межледникового наступила позерская (вюрмская) ледниковая эпоха. Существует повсеместная ее периодизация: ранне-, средне- и позднепоозерские этапы, которые хронологически улаживаются примерно в промежуток времени 115 (105)-65 (70-50) тыс. лет, 65-25 (50-24) и 24-10 тыс. лет до наших дней [5, с. 15].

Раннепоозерский этап соответствует началу образования ледникового горизонта и образуется из волнообразных промежутков потеплений и похолоданий, которые чередуются с интервалом 10-15 лет. Весь этот период продолжалось существование неандертальца и образованной им мустьерской культуры. Ее затухание и появление кроманьонца произошло в середине следующего среднепоозерского этапа.

Этот этап был значительно более холодным и сухим, чем раннепоозерский. В стадиальный период безлесные и тундрово-степные ландшафты. Ледник подошел вплотную к северным границам Белоруссии и даже вступил на ее территорию. В долинах рек бассейна Днепра на протяжении второй половины среднепоозерского этапа и первой половины двинской стадии сформировался аллювий второй надпойменной террасы.

На склонах в долинах Днепра и ее притоков с аллювием этой террасы соединены отложения переглециальной формации, которые заполняют в ряде мест спрятанные овраги [5, с. 14]. Эти овраги образовали в результате врезания рек перед началом наиболее интенсивного формирования

отложения второй террасы. Климат на среднепоозерском этапе был более суровым, чем ныне.

Максимум поозерского оледенения наступил 18-17 тыс. лет назад, что подтвердилось серией радиоуглеродных дат. Преобладали безлесые, похожие на арктические ландшафты.

Поозерское позднеледниковье (время финального палеолита) началось с незначительного потепления, когда ледник отступил от браславских конечных марен. Отступление его от этих краевых образований было вызвано теплым белинским временем (12700 – 12300 лет назад). Во время белинга на территории республики значительно увеличились площади, занятые лесными ландшафтами и сократилась роль лесотундровых представителей трав и кустов [5, с. 16]. Кратковременное похолодание дриас-2 (12300 – 11800) вызвало остановку края ледника в Северной Эстонии и на Ардавикском плато.

Самый теплый в позднеледниковое время – период алерд (11800 – 10800 лет назад) привел за собой отступление края ледника в границах Южной Финляндии [5, с. 17]. Это потепление вызвало широкое распространение в республике лесов. Температура июля была только на два градуса ниже современной. На протяжении дриаса-3 вновь распространились холодолюбивые растения. Этот короткий (10800 – 10300 лет назад), но резко холодный период приходится на конец позднеледниковья.

На протяжении поозерского позднеледниковья на территории Белоруссии широкое распространение получили процессы термокарста, образовались тысячи озер в бассейне Днепра, закончилось формирование первой надпойменной террасы. На границе плейстоцена и голоцена произошел переход к мезолиту. Голоцен подразделяется на нижний, средний и поздний.

Нижний голоцен (10000 – 7800 лет назад) – пребореал и бореал по Блитту-Сернандеру, 10-8 зоны по М. Н. Нейштадту, характеризовались постоянным потеплением климата и началом «лесного» этапа в развитии растительного покрова Белоруссии, продолжающегося и поныне [26, с. 11]. Это время наиболее интенсивного в голоцене выщелачивания грунтов и образования известковых отложений озерного и ледникового происхождения. Формировались преимущественно низинные и переходные торфяники. Это время окончательного формирования первой надпойменной террасы Днепра.

Средний голоцен (7800 – 3300 лет назад) – атлантический и суббореальный период Блитта-Сернандера, 7-5 зоны М. И. Нейштадта – время климатического оптимума [26, с. 11]. Начало среднего голоцена

характеризовалось теплым и влажным климатом (по сравнению с современным). Широко распространились хвойно-широколиственные леса, состоящие из ели, сосны, березы, дуба, клена, ясеня. Фауна представлена остатками мелких млекопитающих. Шло накопление аллювия нижней надпойменной террасы. Прослежено новое поднятие земной коры. Во второй половине среднего голоцена, в суббореале климат оставался теплым, стал более засушливым. К концу суббореала, с ухудшением климата, увеличились площади еловых и частично сосновых и березовых лесов. Наблюдались более высокие температуры воздуха, уровень грунтовых вод, рек, озер понизился. Продолжала формироваться высокая пойма.

Поздний голоцен (3300 лет назад) – субатлантический период Блитта-Сернандера, четвертые зоны Нейштадта. Начало этого периода ознаменовалось уменьшением континентальности, некоторым похолоданием и увеличением влажности, в результате чего повысился уровень озер, усилились процессы заболачивания, ускорился переход торфяников в олиготрофное состояние. В долинах рек сформировалась низкая пойма. Болота приобрели современные очертания [26, с. 13].

На современном этапе климат данного региона относится к Березинскому агроклиматическому району, средняя температура в январе составляет – 7,2 °С, в июле – 18,3 °С [47, с. 366]. Осадков в год выпадает около 600 мм, реки относятся к Центрально-Березинскому гидрологическому району, густота естественной речной сетки менее чем 0,4 км/км, а общая протяженность осушительной сетки около 6 тыс. км.

Почвы относятся к Рогочевско-Славгородско-Климовичскому, Шкловско-Чаускому, Кировско-Гомельско-Хотимскому агроклиматическому району. Преобладают дерново-подзолистые, заболоченные, дерновые, аллювиальные, торфяно-болотистые почвы сельскохозяйственных угодий. По механическому составу преобладают суглинистые, супесчаные, песчаные, торфяные почвы.

Природная растительность относится к Оршанско-Могилевской геоботанической округе с общей площадью лугов 20 тыс. га. Преобладают хвойные, березовые, еловые, осиновые и ясеновые леса общей площадью 40% площади. Из животных водятся лось, кабан, волк, енотовидная собака, куница, белка, заяц, лис, бобр. Из птиц – глухарь, тетерев, серая куропатка, утка [47, с. 372].

Таким образом, удобное географическое расположение, благоприятный климат, наличие полезных ископаемых, а также достаточно богатый растительный и животный мир данного региона оказали благоприятное влияние на его заселение в каменном веке.

Глава 3. Процесс заселения бассейна р. Друть в каменном веке

3.1. Финальный палеолит

Финальный палеолит датируется 14-12 – 10 тысяч лет назад и до сего времени остается неопределенным, как и принципы его выделения. С одной стороны, он не рассматривается как аналог мезолита, с другой – не указываются четкие критерии его отчленения от верхнего палеолита [41, с. 5]. По своей протяженности финальный палеолит охватывает около двух тысяч лет, но именно в это время происходят коренные преобразования в хозяйственной и общественной жизни [41, с. 6]. Выделение финального палеолита в качестве самостоятельного этапа в периодизации каменного века невозможно без выяснения его естественно-природной основы. В нашем понимании финальный палеолит представляет собой историческую эпоху, которая приходится на заключительные стадии плейстоцена (аллеред и поздний дриас), связанные с общепланетарным потеплением климата, что привело к деградации последнего оледенения. Деградация ледника происходила путем отступления на север его южного края, что сопровождалось продвижением вслед за ним приледниковых биоценозов. Именно в позднеледниковое время сложились условия, при которых могло происходить широкое расселение населения на освободившиеся от ледникового покрова обширные незаселенные пространства. При этом уместно обратить внимание на одно обстоятельство, вскрывающее культурный смысл эпохи [40, с. 3]. Изменения природной среды самым тесным образом увязываются с изменением объекта охоты, а также появление орудий для охоты – лука и стрел, и оба фактора находятся в органичной взаимосвязи. Следовательно, освоение новых территорий шло параллельно со становлением нового типа хозяйства – охоты на северного оленя, которая в финальном палеолите составляла основной источник средств существования. В прямой зависимости от биологии основного объекта охоты вырабатывались определенные стереотипы поведения, приемы и способы получения добычи [41, с. 7].

Охота на северных оленей стимулировала большую подвижность, быстрое освоение новых, безлюдных пространств. Челночное освоение территорий вело к расширению контактов, обмена опытом, передаче и получению информации. Хозяйственная специфика финального палеолита

наряду с экологическими факторами определяла причины, направления и характер миграций, появления качественного своеобразия, отличающего его от предшествующего времени.

Таяние ледника привело к простому в организационном смысле перемещению населения, стремившегося сохранить привычную среду обитания и традиционные способы жизнеобеспечения с помощью определенного орудийного набора. Первопричина переселений очевидна – изменение климата и ландшафтов в процессе деградации Поозерского (валдайского) оледенения, смещение на север биоценозов, характерных для приледниковой зоны. Итог – заселение обширных пространств, ранее занятых ледниковым покровом, что по масштабам можно сравнить с «Великим переселением народов».

Уже сам процесс переселения предполагает как его исходные пункты, с одной стороны, так и область заселения – с другой. Переселение невозможно без самих переселенцев – субъектов миграции. В связи с этим исходные центры, субъекты и объекты миграции являются неперменным условием любого переселения, без которых они немыслимы. Следовательно, закономерности миграций и освоение новых территорий четко прослеживается на фоне закономерностей изменения природной среды [41, с. 7].

Именно в финальном палеолите с особой силой проявились способности людей к адаптации в изменяющихся природных условиях с выбором самых оптимальных стратегий жизнеобеспечения. Начиная с эпохи финального палеолита, человек стал быстро осваивать самые разнообразные в климатическом, природном и ландшафтном отношении ареалы [41, с. 8].

В конце последнего оледенения происходит распад мамонтового фаунистического комплекса. Исчезают более 30 видов млекопитающих, приспособленных к сухому холоду и малоснежью: мамонты, шерстистые носороги, пещерные медведи, гигантские олени и пр. До наших дней сохранился овцебык, обитающий в самых суровых и малоснежных районах Арктики. Дискуссия о причинах вымирания этих животных продолжается по сегодняшний день. Кто виновники гибели: древние охотники или природная среда, неумеренные охотничьи аппетиты или потепление климата, вызвавшее обилие снежного покрова, препятствовавшего добыванию корма, размораживание и заболачивание тундро-степи? Предполагают также, что существенные изменения климата в позднеледниковье поставили мамонта, этого гиганта приледниковой зоны, в положение деградирующего вида [37, с. 4].

Как бы там ни было, главным промысловым животным вместо мамонта становится северный олень, охота на которого также способствовала освоению человеком высоких широт. Изучение фаунистических остатков на территории Беларуси свидетельствует, что в конце плейстоцена – начале голоцена и даже в историческое время здесь обитала популяция тундровых северных оленей. Являясь единственным массовым крупным млекопитающим дриасовых тундро-степей, северный олень играл исключительную роль в хозяйстве финальнопалеолитических обитателей средневропейских низменностей. Продвигаясь вслед за отступающим ледником, северный олень привлек первобытного человека на север, создав необходимые условия для его обитания в приледниковых степях. Ни один другой вид животных тундры и лесотундры (заяц, полярная куропатка, водоплавающая птица или рыба) не мог удовлетворить жизненные потребности человека в условиях холодного климата [23, с. 112]. Северные олени обладают значительной экологической пластичностью и живут, как утверждают этологи, по «пространственно-временной системе», осуществляя значительные сезонные миграции. Осенью они откочевывают в зону лесотундры, а весной в тундру. Протяженность кочевков колеблется от 200 до 750 км.

В настоящее время северные олени населяют тундру, лесотундру и северные таёжные леса. Известно, что при снежном покрове более 50 см северные олени передвигаются с трудом. Следовательно, обширные пространства, на которых обитали северные олени, определяются не столько зонами (лес, тундра), сколько мощностью снежного покрова, оказывавшего влияние на передвижение и добычу корма. Охота на северного оленя основывается на глубоком знании повадок животного [23, с. 116]. Большое значение для охотников на северного оленя имеет знание его повадок во время сезонных миграций, когда путем коллективной охоты добывалось основное количество мяса.

Поскольку северный олень был кочующим животным, охота на него имела сезонный характер. Судя по этнографическим материалам, население состояло из небольших производственных коллективов, перемещавшихся на значительные расстояния вслед за стадами северного оленя. В сложившейся ситуации миграции северных оленей как бы накладывались на динамичные изменения природной среды, способствуя оттоку населения в северном направлении. В совокупности эти факторы вызвали к жизни одну из самых больших проблем миграции в истории человечества, на освободившейся от ледникового покрова территории.

Данные археологии свидетельствуют, что в максимум оледенения территория бассейна Друти была оставлена теми немногочисленными группами древних охотников, которые оказались пионерами в ее освоении. Население позднего палеолита, обитавшее здесь накануне максимума оледенения в интервале 23 – 26 тыс. лет назад, вынуждено было покинуть пределы Беларуси, а остатки поселений (Бердьж, Юровичи) оказались разрушенными солифлюкционными процессами [27, с. 88]. По мнению В. И. Громова, вдоль края ледника тянулась полоса шириной до 300 км мало пригодная для жизни человека. Не был обитаем этот район и во время интенсивного таяния на начальных этапах деградации оледенения в виду нестабильности обстановки и большой обводненности территории.

По нашему мнению, наиболее благоприятные условия для заселения изучаемого района сложились в аллереде (12 – 11 тыс. лет назад). Около 12000 лет до н.э. ледник отошел от Померанских морен и средневропейские низменности полностью освободились ото льда [22, с. 3]. Устанавливаются ландшафты, имеющие характер холодных сухих степей. Ввиду широкого распространения растения *Drias octopetala* финальный этап палеолита получил название дриасового периода. К этому времени прекращают свое существование культуры верхнего палеолита, основой процветания которых была охота на крупных млекопитающих. Перестройка ландшафтов в аллереде разрушила природную среду и экономическую базу, на которых основывалась жизнедеятельность населения и привела к экологическому кризису. Именно с этого времени основным промысловым животным в Восточной Европе становится северный олень, и получают развитие культуры финального палеолита.

Таким образом, заселение человеком данного региона, как и северо-западных районов Восточно-Европейской равнины, сопряжено с изменениями природной среды в позднеледниковое время: климата, растительного и животного мира, эволюции ландшафтов [21, с. 12]. Наиболее ранняя волна заселения равнин Северной Европы отмечена памятниками гамбургской культуры, получившей развитие в раннем дриасе. В течении аллереда – позднего дриаса распространяются аренбургская и свидерская культуры. Очевидно в это время получила развитие и гренская культура в бассейне Друти [37, с. 12]. Учитывая эту обстановку, можно говорить о заселении бассейна реки Друть около 12 тысяч лет назад, о чем свидетельствуют памятники гренской культуры – Чигиринка, Вишенька.

Особенностью гренской культуры является наличие в инвентаре своеобразных асимметричных наконечников стрел (гренский тип, вкладыши

«алтыновского типа»), обработанных по одному краю крутой ретушью по всей длине изделия и выемкой на другом. При изготовлении орудий предпочтение отдавалось отщепам, полученным с одно- и двухплощадочных односторонних нуклеусов, сохраняющих на контрфронте участки желвачной корки [39, с. 10]. Выделена гренская культура В.Д. Будько в 60-е годы по материалам стоянок Подлужье-3, Коромка, Латки и Гренской, давшей культуре имя. Памятник расположен на останце первой надпойменной террасы правого берега р. Сож, в Гренском урочище, в 2 км восточнее д. Ворновка (центр сельского совета) Кормянского района, в 125 км севернее г. Гомеля [36, с. 35]. По мнению исследователя, в развитии гренской культуры прослеживается три этапа.

Среди памятников гренской культуры данного региона наиболее изучены Чигиринка и Вишенька. Стоянка Чигиринка расположена на юго-западном берегу Чигиринского водохранилища, в 1,5 км выше плотины и 0,2 км северо-западнее лесничества, в 0,1 км восточнее шоссе на деревню Колбово [31, с. 101], [прил.1а].

Стоянка открыта 24 апреля 1981 года при проведении маршрутной разведки по правому берегу р. Друть от г. п. Белыничи до г. Рогачева. На вспаханном поле был обнаружен черешковый наконечник стрелы, концевой скребок, нуклеус и серия отщепов. В последующие годы на памятнике неоднократно производился сбор подъемного материала. В 1987 году было заложено пять шурфов с буквенной нумерацией а, б, в, г, д [38, с. 3].

Размеры шурфов 1х2 м. Шурфы располагались между береговым обрывом, который размывается водами водохранилища и вспаханным полем на узкой полосе свободной от кустарника и растительности. В очередной раз был также собран подъемный материал, среди которого наконечник стрелы, резцы, продукты расщепления кремня.

Шурф А находился в 340 м к юго-востоку от турбазы, в 3 м южнее бровки террасы и 24 м юго-восточнее устья выложенного небольшого оврага. Остальные шурфы были заложены вдоль берегового обрыва на расстоянии 80 м друг от друга. Во время вскрытия шурфа А был обнаружен нуклеус и 10 отщепов. В шурфе Б найден скол оживления ударной площадки нуклеуса и 6 отщепов. В шурфах В и Г были встречены единичные пластины и отщепы. Определенный интерес представляет шурф Д, отстоящий от раскопа на 300 м. Здесь обнаружен обломок неолитического наконечника с двухсторонней обработкой плоской ретушью, топорик с пришлифовкой лезвия, 6 отщепов и фрагменты штрихованной керамики раннего железного века. Шурфовка

показала, что последующее изучение памятника следует проводить возле шурфов А и Б.

В 1991 году раскоп площадью 100 кв. м был заложен в 350 м юго-восточнее турбазы (ныне ликвидированной), в 1 м от бровки первой надпойменной террасы, которая размывается водами водохранилища. Под раскоп был выбран небольшой участок свободный от древесно-кустарниковой растительности между береговым обрывом и посеянной рожью. Сетка раскопа разбита в 1 кв. м (после снятия каждого горизонта производилась зачистка и фотографирование). В процессе раскопок все находки наносились на план. При снятии слоя дерна находок не обнаружено, культурные остатки в виде продуктов расщепления кремня и изделий со вторичной обработкой залегали на глубине 0,2-0,4 м на контакте подзолистого и иллювиального горизонтов почвы, в светло-желтом, мелкозернистом, неслоистом песке. После исследования культурного слоя произведено контрольное вскапывание, снят профиль раскопа [31, с. 101].

Концентрация находок в пределах раскопа незначительна. Продукты расщепления кремня и изделия со вторичной обработкой встречаются по всей вскрытой площади, не образуя заметных скоплений. Многие квадраты лишены находок. Следует отметить, что в процессе вскрытия культурного слоя встречаются фрагменты гончарной керамики эпохи Киевской Руси, которые по квадратам отмечены в коллекционной описи и нанесены на план в связи с их одновременностью с материалами стоянки.

В качестве сырья для изготовления орудий труда использовался меловой кремень в виде небольших желваков. В большинстве случаев он имеет серый цвет от включений окремнелого мела. Коллекция кремневого инвентаря, полученная в процессе раскопок и сборов на распаханном поле, включает 313 предметов, в том числе мелкие осколки (15 экз.), куски кремня (16 экз.), отщепы (178 экз.), (63,12% всей коллекции, исключая мелкие осколки и куски кремня), пластины – 38 экз. (13,74%), нуклеусы – 26 экз. (9,21%) и изделия с вторичной обработкой – 40 экз. (14,18%) [31, с. 101].

Анализ полученного кремневого инвентаря целесообразно начать с техники расщепления кремня, в частности, с нуклеусов. Предварительная подготовка нуклеусов (техника подготовки) была весьма элементарной и сводилась к выбору подходящей конкреции и оформлению ударной площадки. Подавляющее большинство ударных площадок оформлено одним сколом (76,6%), реже от 2 до 5 сколов (20,6%), единичны фасетированные (5,9%) или сохраняющие желвачную корку (3%). Половину всей коллекции нуклеусов составляют одноплощадочные, односторонние (монофронтальные)

– 50%, при наличии двухплощадочных встречного скалывания – 27,3%. Имеются двух- (13,6%) и трехплощадочные (4,5%) с совмещенными площадками и единичен двухплощадочный двухсторонний (бифронтальный).

Следовательно, основным способом срабатывания нуклеусов служила односторонняя утилизация, которая выражается в скалывании заготовок только с одной поверхности расщепления нуклеусов путем создания на ней все большего количества систем параллельных снятий. К этому можно добавить, что подавляющее большинство нуклеусов (86,4%), сохраняют на контрфронте участки желвачной корки, и лишь у 3 экземпляров (13,6%) она отсутствует. Размеры нуклеусов варьируют в пределах 20-63 мм высоты, при ширине 17-41 мм и толщине 12-40 мм [31, с. 102].

Соотношение пластин и отщепов 1:5. Метрические данные пластин: длина 17-63мм, ширина 7-23 мм, толщина 2-8 мм. Среди 22 фрагментов пластин представлены: проксимальные – 10 экз., медиальные – 4экз. и дистальные – 8 экз.

Приведенные данные свидетельствуют, что пластины не отличаются правильностью огранки и очертаний, что характерно для подобных изделий и других памятников гренской культуры.

102 Параметры отщепов: длина - 16-57 мм, ширина – 12-41 мм, толщина – 2-24 мм. Выразительна серия первичных отщепов с выпуклой спинкой, полностью покрытой желвачной коркой – 11 экз. (12,2% всех отщепов, которых в коллекции имеется 90экз.).

На памятнике доминирует крутая затупливающая ретушь в сочетании с легкой подправкой краев пластин и отщепов. Типологический анализ кремневого инвентаря позволил выделить разнообразие морфологических типов изделий с вторичной обработкой, характерное для гренской культуры в целом. Комплекс орудий труда данного памятника представлен практически полностью, за исключением невыразительных форм и неопределимых обломков орудий:

1. Наконечники стрел – 5 (12,5%)
2. Острия – 3 (7,5%)
3. Скребки – 11 (27,5%)
4. Резцы – 10 (25%)
5. Изделия с выемкой – 5 (12,5%)
6. Рубящие орудия – 1 (2,5%)
7. Проколка – 1
8. Пластины с ретушью – 2 (5%)
9. Отщепы с ретушью – 1

10. Нуклевидный обломок с ретушью – 1

Наконечники стрел изготовлены из пластин (3 экз.) и отщепов. Представлены исключительно черешковыми формами, длиной 30-70 мм, при ширине 12-24 мм. По характеру оформления черешка наконечники представлены двумя вариантами. Так, у двух изделий, черешок оформлен полукруглой противолежащей ретушью, у остальных ретушь нанесена со спинки [31, с. 103].

Острия изготовлены из отщепов. Мелкой приострящей ретушью оформлен один край изделия со спинки и подправлен рабочий конец с брюшка. У второго изделия мелкой ретушью подправлен естественно заостренный конвергентный конец орудия и по краю нанесена комфортная ретушь. Изделия с выемкой представляют собой пластины и отщепы, выемки которых расположены на одном из краев заготовки и имеют правильное подокруглое очертание, или слабо выражены. В одном случае выемка расположена на дистальном конце заготовки, в другом – ретушь нанесена с брюшка.

Скребки изготовлены исключительно из отщепов, часто с меловой коркой на спинке и представлены концевыми формами с дугообразными или прямым рабочим концом. Их длина составляет 15-37 мм, при ширине 10-34 мм. Некоторые изделия имеют полностью или частично ретушированный край [прил.2., рис 1].

Обитатели стоянки Чигиринка в совершенстве владели техникой резцового скола, о чем свидетельствуют резцы. Резцовые сколы разнообразны: продольные, снимающие край заготовки, поперечные сколы уплощенного типа, а также скашивающие конец пластины. Преобладают орудия средних размеров: длиной 20-40 мм при ширине 13-50мм. Резцы представлены ретушными формами – 3 экз., на углу сломанной заготовки – 3 экз. и двухгранными – 4 экз., среди которых выразительна серия асимметричных срединно-угловых.

В коллекции представлен топорик с перехватом, изготовленный из конкреции небольших размеров: длина 45 мм и толщина 29 мм. Лезвие оформлено траншевидным поперечным сколом и подправлено ретушью. Перехват выделен в виде двух выемок, расположенных по краям изделия. Спинка орудия сохраняет меловую форму.

В коллекции имеется клювовидное острие – одна из типичных находок в памятниках гренской культуры. Единичны пластины и отщепы с мелкой ретушью по краю. Судя по составу коллекции кремневого инвентаря можно предположить, что памятник является сезонным охотничьим лагерем,

обитатели которого занимались и обработкой кремневого сырья [прил.2., рис 2].

В заключение следует отметить, что полученный материал, топография поселения и условия залегания культурных остатков свидетельствуют о мезолитическом возрасте памятника, ближайшим аналогом которого являются материалы стоянок позднего этапа гренской культуры, в первую очередь: Дальнее Лядо, Лудчицы, Могилевская. Единство памятников проявляется в своеобразии исходного сырья, в ограниченном территориальном распространении, в особенностях технико-морфологического облика кремневого инвентаря [31, с. 104]. Также на памятнике обнаружены не многочисленные фрагменты керамической посуды [прил.3., рис 7].

Вишенька — стоянка возле д. Вишенька Рогачовского р-на. Расположена на юго-востоке деревни, на правом берегу реки Друть. Ее размер 50х30 м. Памятник был открыт в 1981 и изучен в 1982, 1988 гг. В. Ф. Капытиным. Было исследовано 12 кв. м. Находки залегали на глубине 0,3 — 0,5 м и представлены кремневыми орудиями труда (асимметричные наконечники стрел, ретушированные резцы, скребки, ножевидные пластины и отщепы), продукты расщепления кремня (нуклеусы, фрагментарные пластины и отщепы). Небольшие размеры памятника и кремневый инвентарь дают основания отнести его к кратковременному поселению первобытных охотников [6, с. 138].

3.2. Памятники мезолита

Мезолит (среднекаменный век) выделен как переходная эпоха от палеолита к неолиту. Его начало в целом принято связывать с началом геологической современности, конец — с появлением керамики. Впервые этот термин для обозначения комплексов каменных орудий, занимающих промежуточное положение между палеолитом и неолитом, был употреблен Алленом Брауном в 1893 году [28, с. 5]. Конкретное содержание мезолита определяется различно.

В 8213 г. до н. э. у горы Белинген в средней Швеции под напором вод Балтийского приледникового озера была прорвана ледяная перемычка, отделявшая Балтику от мирового океана. Теплые соленые воды Атлантики через образовавшийся пролив начали проникать в Балтийский бассейн. Эти события, известные в литературе под названием Билингенской катастрофы,

знаменовали собой конец ледниковой эпохи в Европе и начало геологической современности – голоцена [22, с. 3]. С этим событием связывают начало мезолита. Выделяют три периода раннего голоцена: пребореальный (10300 – 9200 лет назад), бориальный (9200 – 8000 лет назад), атлантический (8000 – 6000 лет назад). В пребореальный период начинают распространяться сосновые и сосново-березовые леса. Продолжает обитать северный олень. В бореальный период происходит дальнейшее потепление климата, олень мигрирует на север, повсеместно распространяется лесная фауна. В атлантический период происходит вспышка тепла, наблюдается сильное увлажнение климата, распространяются широколиственные леса.

Общих периодизационных схем мезолита не существует, из-за слабой источниковедческой базы и неравномерности культур в своем развитии. На территории Белоруссии в хронологии мезолита выделяют три этапа. Ранний (10300-9200 лет назад), средний (конец 8 – начало 7 тыс. до н. э.), поздний (8 – 6-5 тыс. до н. э.), т.е. приходится на начало атлантического периода [42, с. 53].

В настоящее время мезолит охватывает значительное количество археологических культур со своими ареалами распространения и своеобразными комплексами кремневого инвентаря. В начале мезолита данную территорию продолжает заселять население гренской культуры. Материальная культура гренского мезолитического населения на раннем этапе своего развития много в чем унаследовало традиции финальнопалеолитического времени [35, с. 61]. Среди охотничьих орудий по-прежнему наиболее характерными были ассиметричные наконечники стрел, но одновременно начали использоваться и наконечники других типов. Отход северных оленей привел к исчезновению костяных гарпунов и наконечников копий с выемками для кремневых вкладышей. В связи, с чем меньше внимания стали уделять обработке кости и рога. Соответственно уменьшилось и количество кремневых резцов. В кремневом инвентаре увеличивается число скребков, топоров. В позднемезолитическое время (6-5 тыс. до н. э.) при сохранении большинства из традиционного набора кремневого инвентаря, гренцы начинают широко использовать мелкие кремневые вкладыши, которым с помощью ретуши нередко придавались геометрические формы. Через все мезолитическое время в Белорусском Поднепровье и Восточном Полесье жили племена днепро-деснинской культуры. Эти племена начали складываться в сообщества 10-5 тыс. лет назад в результате смешения потомков лингбийского населения и носителей свидерской культуры [18, с. 32].

Север Беларуси в мезолите заселяли племена кундской культуры. Население этой культуры, как в Прибалтике, так и на Беларуси просуществовало до конца мезолита и стало основой (субстратом) для местного неолитического сообщества. В позднем мезолите на юго-восток Беларуси с территории Украины проникали немногочисленные группы носителей кудлаевской культуры [18, с. 33]. На значительной территории Беларуси, особенно в ее южной части, жило население яниславицкой культуры, которое в последствии приняло участие в формировании некоторых неолитических культур Центральной и Восточной Европы. Происхождение яниславицкой культуры связывают с мезолитическим населением Южной Прибалтики культуры Маглемазе [18, с. 34].

Обоснованный впервые на материалах Западной Европы термин «мезолит» долгое время имел культурно-хронологическое значение. Мезолитическими назывались культуры с геометрическими микролитами, занимающие среднее стратиграфическое положение между палеолитическими и неолитическими комплексами [1, с. 38].

Большинство современных исследователей определяют мезолит как закономерную стадию в развитии хозяйства и общества [43, с. 90]. При этом допускается, что на разных территориях эта стадия могла быть пройдена в разное время. Однако единства в определении экономической сущности мезолита также пока не достигнуто. Одни считают возможным относить к мезолиту раннеголоценовые культуры лесных охотников с луком и рыболовов. Другие видят в этих культурах продолжение позднепалеолитических традиций и называют их эпилеолитическими. Главным в переходной мезолитической эпохе, по мнению таких исследователей, является расцвет собирательства и зачатки скотоводства, которые создали основу для возникновения производящих форм хозяйства в начале неолита. Тем самым территория распространения и хронологические рамки мезолитических культур резко сужаются.

До недавнего времени с мезолитической эпохой принято было связывать возникновение племенной организации. По мнению исследователей, племенная структура общества нашла отражение в мелких археологических культурах, детально прослеженных на мезолитических материалах. Сейчас показано, что подобные культуры существовали уже в верхнем палеолите.

Наконец, в последние годы распространилась точка зрения, вообще отрицающая стадияльное значение понятия «мезолит». Ее сторонники относят к мезолиту все раннеголоценовые памятники вне зависимости от их

хозяйственной и культурной специфики. Уместно отметить, что верхняя граница мезолита также определяется не всегда одинаково. Дискуссия о докерамическом неолите Ближнего Востока показывает, что появление керамики не главный, а сопутствующий признак перехода к неолиту, эпохе древнейшего земледелия и скотоводства.

Древнейшие мезолитические культуры возникают на грани двух геологических эпох – плейстоцена и голоцена, геологической современности. Тает и все дальше отступает на север ледник. Берега рек и озер постепенно приобретают современные очертания. По мере отступления ледника смещаются к северу ландшафтные зоны, природные условия приближаются к современным. Приледниковые тундры на юге сменяются степями. Области к северу, еще недавно занятые ледником, покрываются смешанными и хвойными лесами. В степях живут бык, осел, лошадь, антилопа-сайга. Леса заселяют лось, благородный олень, кабан, бурый медведь, волк, лисица и другие современные виды животных.

В этих условиях загонная охота на крупных стадных животных постепенно теряет свое значение, углубляется специализация хозяйства, меняется образ жизни человека. Способ охоты становится совсем другим. Загонно-облавная охота в верхнем палеолите сменилась выслеживанием, троплением, скрадыванием зверя [20, с. 18]. В огромных таежных лесах охота еще долго останется основным источником пищи, однако ее характер существенно меняется. Лось, медведь, кабан, олень выслеживаются небольшими группами взрослых охотников, вооруженных луком и стрелами. Резко возрастает роль индивидуальной охоты на мелкого зверя и птицу. Она ведется с собакой и луком, разнообразными ловушками, западнями, силками. Расселяясь вдоль рек все дальше на север, человек ведет полубродячий образ жизни. Поселения этого времени состоят обычно из нескольких легких наземных жилищ и носят временный или сезонный характер.

Все больший вес в хозяйстве лесных охотников приходится на долю рыболовства. На рыбу не только охотятся с помощью гарпуна или лука. В мезолите впервые появляются и быстро распространяются верши, сети, рыболовные крючки. В это же время были сделаны древнейший долбленный челн и весло. Если в жизни лесных племен рыбная ловля играет существенную, но не главную роль, то в прибрежных районах Балтийского моря рыба и морской зверь становятся основным источником пищи. Естественно, что подобная специализация в хозяйстве сильно повлияла на характер культуры.

Таким образом, мезолитический человек гораздо полнее использует природные ресурсы, чем его предшественники. Разнообразны способы охоты, сделаны первые шаги на пути domestikфикации животных, освоены пищевые резервы рек, возник морской промысел, наконец, широко распространяется собирательство, в том числе, вероятно, и сбор диких злаков. Весь этот опыт создал предпосылки для закономерного перехода к производящим формам хозяйства. Этим событием начинается неолит, однако подготовлено оно было в предшествующую, мезолитическую эпоху. Кремневый инвентарь раннемезолитических памятников сохраняет еще ряд черт, характерных для предшествующей, верхнепалеолитической эпохи. Косоплощадочные нуклеусы, нуклеусовидные скребки, большое количество резцов, в том числе боковых и многофасеточных – все эти изделия придают культуре архаичный облик. Наряду с ними впервые широко распространяются мелкие орудия геометрических очертаний. Вставленные в костяную основу, они составляли эффективные в работе ножи и наконечники. В ранних памятниках вкладыши-сегменты преобладают над вкладышами-трапециями. Все микролитические орудия обрабатываются крутой ретушью.

В середине и конце мезолита верхнепалеолитические черты в культуре совершенно утрачиваются. Косоплощадочные нуклеусы вытесняются прямоплощадочными, нуклеусовидные скребки и скребки на крупных ножевидных пластинах исчезают. Вместо них распространяются мелкие концевые или округлые скребочки. Резцов становится меньше, причем вместо боковых форм преобладают угловые. Наоборот, количество микролитических орудий увеличивается, а трапеции повсеместно преобладают над сегментами. С середины мезолита постепенно распространяется прием обработки вкладышей пологой ретушью. Своего совершенства он достигнет в раннем неолите.

К памятникам мезолита в данном регионе относятся Прибор [прил. 1а], Веричев. Прибор – стоянка эпохи мезолита на первой надпойменной террасе правого берега р. Друть, на южной окраине деревни, в 0,3 км восточнее дороги на д. Шмаки [51, с. 518]. Вскрыто 15 кв. м культурного слоя, в верхней части разрушенного вспашкой. Площадь поселения 150х25 м. Обнаружены концевые скребки, ретушные резцы, изделия с выемкой, пластины и отщепы с ретушью, продукты расщепления кремня. Значительная часть кремней обожжена. Материалы хранятся в музее Могилевского государственного университета им. А. А. Кулешова. Открыл в 1982 г и исследовал в 1987 г. В. Ф. Копытин [31, с. 99].

Веричев – археологический памятник возле д. Веричев Рогачевского района [7, с. 339]. Стоянка относится к раннему мезолиту и расположена в 20х км на восток от деревни, на мысу правого берега реки Друть при впадении в нее р. Добрица. Памятник открыт в 1980 году Копытиным, было исследовано 82 м в 1982, 1986-88 годах. Найдены концевые скребки с коротких пластин и отщепов, скребки двойные и с «шипом» на лезвии, резцы ретушированные и на сломе заготовки, изделия с выемкой, острия, проколки, пластины-вкладыши, много пластин и отщепов с мелкой ретушью по краю [6, с. 128].

3.3. Памятники неолита

Неолит (новый каменный век) – следующая за мезолитом эпоха, характеризующаяся важными достижениями в развитии материальной и духовной культуры. Термин неолит был введен в 1865 г. английским ученым Леббоном, который считал, что с этого времени начали распространяться каменные орудия труда, обработанные с помощью полировки [19, с. 134]. По мере накопления материала, стало очевидным, что полированные орудия – не главный признак неолита. И в 1936 г. еще один английский ученый Чайлд высказал мысль о коренных изменениях в материальном производстве древнего населения, в так называемой «неолитической революции» [44, с. 140]. Суть ее сводилась к двум важным изменениям: пользованию керамики и зарождению земледелия и скотоводства. Сегодня понятие «неолитическая революция» условно и практически все исследователи отказались от него. Установлено, что процесс перехода к неолиту был постепенным, керамика, отнюдь не свидетельствует о неолитизации населения, а предпосылки земледелия и domestikации животных появились еще в мезолите. На территории Беларуси новокаменный век начался в 4 (на юге – в конце 5) тыс. до н. э. и продолжался до границы 3 и 2 (на севере – до начала 2) тыс. до н. э., когда человек познакомился с первыми металлами и наступил бронзовый век [5, с. 125]. Переход от мезолита к неолиту произошел во второй половине атлантического периода, когда вся территория Белоруссии входила в зону смешанных широколиственных лесов [34, с. 81].

Считается, что типичное неолитическое общество Европы определяется четырьмя главными особенностями: появление земледелия, животноводства, глиняной посуды и шлифованных каменных изделий. Однако, как показывают исследования археологов, эти составляющие неолитической культуры далеко

не всегда выступают одновременно. Свои особенности были и на Беларуси. Здесь исходные формы хозяйства на юге страны были широко известны в средний период неолита, а может и раньше, а в Подвиньи – в поздний. Шлифование кремня также распространилось в конце эпохи, прежде всего с появлением здесь центральноевропейских переселенцев. А глиняной посудой на нашей территории начали пользоваться с первой половины 4 тыс. до н. э., а на Полесье и раньше – с конца предшествующего тысячелетия [18, с. 34].

Непосредственно с факта появления керамики, как считают исследователи, и начинается новый каменный век на Беларуси. Появление глиняной посуды стало показателем важных хозяйственных изменений в обществе охотников и рыболовов. Очень богатая и разнообразная флора конца мезолита – начала неолита благоприятно повлияла на развитие животного мира – единственного источника мясной пищи человека [18, с. 35]. В полном соответствии с растительным миром находилась и фауна – более богатая, нежели современная. Остеологический материал, найденный на стоянках, свидетельствует о наличии в северных областях таких животных, как тур, плоскособый бык, благородный олень, соболь, бобр, выдра, куница, косуля, кабан и многие другие. Среди пернатых широко были распространены лебедь, утки и масса другой водоплавающей птицы [11, с. 135].

В неолите достигла расцвета обработка кремня. Из него делали высококачественные орудия труда и оружие: ножи и кинжалы, скребки, проколки, резцы, наконечники стрел и др. Большинство форм орудий и оружия было разработано еще в мезолите, но новое время принесло определенное расширение ассортимента и усовершенствование технологии. В первую очередь распространяются треугольные наконечники стрел. В неолите, особенно в его поздний период, очень распространенными стали рубящие орудия, без которых было не обойтись при занятии земледелием в зоне сплошных лесов. В неолите некоторые орудия, а также часть охотничьего оружия, производилось из рога и кости [18, с. 37].

На протяжении всей неолитической эпохи восток Беларуси населяли племена верхнеднепровской культуры, которая сформировалась в основном в результате развития местной позднемезолитической культуры. Ранний этап датируется серединой 5-го – первая половина 4-го тыс. до н. э. [5, с. 171]. Поздний – второй половиной 4-го – концом 3-го – началом 2-го тыс. до н. э. [5, с. 175]. Верхнеднепровское население было достаточно консервативным и в развитии его культуры не наблюдается особенно резких скачков. На раннем этапе местное население в своей культуре еще сохраняет ряд пережитков предыдущей эпохи. По-прежнему оно употребляет листовидные кремневые

наконечники стрел, среди орудий труда много разнообразных резцов. На позднем этапе в кремневом инвентаре верхнеднепровцев уменьшилось количество резцов и скребков, в тоже время в употреблении стало больше рубящих орудий, произведенных преимущественно с массивных отщепов. Другой стала и керамика. Начали производить широкогорлые большие округлобокие горшки с примесью песка и мелкой дресвы. Посуда украшалась отгисками гребенки, ямочными вдавлениями, насечками, нарезками. Значительно лучшим стал и обжиг керамики.

К числу памятников верхнеднепровской культуры бассейна р. Друть относятся стоянка Угольщина-2 [прил.16]. Памятник расположен на излучине правого берега р. Друть, на останце обтекания первой надпойменной террасы, в 120 м ниже устья р. Малыш (правый приток Друти), в 1,2 км южнее деревни, и южной стороны останца находится озеровидное расширение поймы Друти, на высоте 153 м над уровнем моря [53, с. 89]. Терраса относительно ровная, имеет небольшой уклон в сторону реки, свободный от леса участок имеет размеры 22х44м.

Стоянка открыта в 1991 г. В. Ф. Копытиным в ходе проведения маршрутной разведки по р. Друть [31, с. 32]. В том же 1991г на стоянке была заложена траншея 18 кв.м. Обнаружены многочисленные продукты расщепления кремня: пластины, отщепы, нуклеусы и мелкие осколки, а также орудия труда: наконечник стрелы, острое, пластины-вкладыши, ножи, изделия с выемками, концевые скребки, резец на углу сломанной заготовки, овальный топорик и многочисленные фрагменты лепной керамики с ямочно-гребенчатым орнаментом. Сразу же под слоем дерна были обнаружены немногочисленные фрагменты гончарной керамики эпохи древней Руси.

В 1993 – 1994 годах раскопки на памятнике были продолжены В.М. Чернявским [53, с. 44]. К исследованному траншеей участку были прирезаны четыре раскопа общей площадью 558 кв.м. Изучение неолитического поселения показало, что культурный слой был нарушен селищем эпохи древней Руси, на что указывают находки гончарной керамики и орудий труда (10 – 13 вв.), рассеянные по всей площади раскопов. Всего собрано 13099 фрагментов керамики, изготовленной на гончарном круге, из них 867 венчиков и 227 доньшек.

На стоянке обнаружены также несколько кострищ открытого типа в виде скопления древесного угля и обожженных камней. В восточной части вымостки обнаружены две лежащие параллельно берцовых кости человека расположенных непосредственно на обожженных камнях и ориентированных

по линии юг-север, возле костей в слое золы находились отдельные (до 0,6–0,8 см в поперечнике) вкрапления охры.

Культурные остатки в виде продуктов расщепления кремня, изделий со вторичной обработкой и фрагментами лепной керамики залегают на глубине 0,2 – 0,5 м в подзолистом и иллювиальном горизонтах почвы и ниже ортандовых прослоек не встречались. Концентрация находок неолитического времени в среднем составляет 13 экз. на 1 кв. м. Продукты расщепления кремня и орудия труда встречаются по всей площади раскопов.

В качестве сырья для изготовления орудий труда использовался низкокачественный меловой кремень темно-серого цвета с легкой синеватой патиной типичной для Верхнего Поднепровья. Коллекция кремневого инвентаря полученная в процессе раскопок и незначительных сборов с поверхности включает 4185 предметов [53, с. 50]. В коллекции имеется 71 экз. нуклеусов как одноплощадочных так и двухплощадочных. Из 689 экз. пластин каждая пятая сохраняет на дорсальном фасе участки желвачное корки, большой процент пластин с непараллельным краем. Количественно преобладают пластины треугольного сечения с конвергентными концами прямом профиле. Среди отщепов доминируют ограниченные экземпляры треугольного сечения с дивергентными концами, прямого профиля.

Самой многочисленной категорией орудий являются скребки – 160 экз. В качестве заготовок преимущественно использованы мелкие отщепы, в отдельных случаях первичные. Резцы 43 экз. в количественном отношении значительно уступают скребкам. В типологическом отношении представлены резцами на сломе заготовки – 12 экз., ретушными – 12 экз., двугранным – 17 экз. В качестве заготовок преимущественно использованы отщепы, единичны пластины и сломанные орудия труда.

Изделия с выемкой – 16 экз. В качестве заготовок использованы пластины и отщепы. Рубящие орудия – 9 экз., представлены клиновидным изделием теслом и семью топорами [прил.2., рис 3]. Топоры представлены в основном из массивных отщепов (5 экз.) обработанных крупнофасеточной ретушью по всей поверхности орудий [прил.2., рис 4]

Выразительной серией представлены острия – 12 экз. Проколки и провертки – 18 экз., изготовленные из пластин (12 экз.) и отщепов. Рабочие части оформлены на детальных концах заготовок и оформлены полукрутой ретушью, с помощью которой выделено колющее жало, как правило, расположенное на длинной оси заготовки.

Наконечники стрел – 17 экз. изготовлены преимущественно из пластин. Преобладают изделия черешковых форм со слабо выделенным черешком

подтреугольных очертаний. Черешок выделен полукрутой ретушью со спинки или со спинки и брюшка одновременно. Единичен наконечник с черешком выделенным ретушью с брюшка. В коллекции имеются четыре наконечника подтреугольных очертаний [прил.3., рис 5].

Наконечники дротиков – 9 экз. изготовлены исключительно из отщепов и имеют овальную или листовидную форму, иногда с горизонтальной базой, представленной рудиментами ударных площадок. Часть наконечников сохраняет на спинке участки желвачной корки.

Орудия случайного использования – пластины – 84 экз. и отщепы – 79 экз. с нерегулярной ретушью края занимают одно из преимущественных положений в коллекции. К ним относятся и не диагностируемые обломки орудий.

Таким образом, кремневый инвентарь стоянки Угольщина-2 характеризуют черешковые наконечники стрел, отдельные из которых указывают на живучесть мезолитических традиций в обработке орудий, представительная серия листовидных наконечников-дротиков, своеобразные острия, многочисленные концевые скребки, изготовленные из коротких отщепов при наличии подокруглых, преобладание резцов на углу сломанной заготовке и наличие единичных пластин с притупленным ретушью краем и ретушированным дистальным концом. Наряду с изделиями с выемкой, клиновидным топориком и топорами изготовленными из массивных отщепов, комплекс кремневого инвентаря указывает на неразрывную связь с материалами предшествующего времени, в частности, с комплексами стоянок Сожской позднемезолитической культуры (Горки, Новый Быхов, Нераж, Береговая Слобода в др.) [53, с. 50].

На исследуемой стоянке обнаружены многочисленные фрагменты лепной керамики – 447 экз. представленной обломками преимущественно светло-коричневого цвета с неодинаковой окраской как внутренней так и внешней поверхности, где середина излома имеет более темную прослойку, что говорит о несильном и неравномерном обжиге. Сосуды формировали способом ленточного налёпа с глиняных полосок, в тесто которых добавлен крупный песок или дресва, примесей растительных остатков почти незаметно [прил.3., рис 6].

Набор кремневого инвентаря, фрагменты лепной керамики по аналогии с хорошо изученными памятниками Посожья позволяют отнести стоянку Угольщина-2 к позднему неолиту и включить ее в ареал распространения верхнеднепровской культуры.

Стоянка позднего неолита (3 тыс. до н. э.) Прибор-1 расположена на первой надпойменной террасе правого берега р. Друть, в 0,4 км восточнее

деревни, в 1 км юго-западнее устья р. Вабич (левый приток Друти) [29, с. 36], [прил.16]. Высота террасы над поймой реки составляет 2-3 м. Памятник открыл в 1980 г. и исследовал в 1981-1982 гг. В. Ф. Копытин.

В раскопе площадью 130 кв. м культурный слой залегал на глубине 0,2-0,4 м в мелкозернистом, бесструктурном, с охристыми пятнами песке серовато-желтого цвета. Обнаружены многочисленные продукты расщепления кремня: нуклеусы, сколы подправок ударных площадок нуклеусов, пластины, отщепы, мелкие осколки, чешуйки [29, с. 36]. Среди орудий труда – черешковые и подромбовидные наконечники стрел и дротиков, острия, проколки, ретушный резец, ножевидные пластины с ретушью, рубящие орудия, концевые, подокруглые, со скошенным лезвием и: встречаются комбинированные орудия: скребки в сочетании с проколкой (в одном случае) и в сочетании с выемкой – в другом.

Сосуды плоскодонные со слегка выпуклым туловом, с прямыми или слегка отогнутыми венчиками. Орнамент – ямочные вдавления округлой и прямоугольной формы в комбинации с оттисками мелкозубчатой гребенки, которые образуют елочный узор

Стоянка позднего неолита Прибор-2 находится на первой надпойменной террасе правого берега р. Друть, в 0,7 км юго-восточнее деревни, в 0,5 км южнее стоянки-1, от которой она отделена грядой дюнообразных песчаных возвышенностей. Поселение занимало площадь 170x30 м вдоль бровки террасы озеровидного расширения р. Друть. Открыл в 1980 г. и исследовал в 1982 г. В. Ф. Копытин. Вскрыто 35 кв. м культурного слоя, залегающего в подзолистом и аллювиальном горизонтах почвы. На глубине 0,1-0,6 м в мелкозернистом, бесструктурном песке светло-серого цвета, в нижней части которого находятся редкие прослойки отрядов.

Полученная коллекция включает продукты расщепления кремня: нуклеусы и их обломки, пластины, отщепы, мелкие осколки и чешуйки, а также изделия с вторичной обработкой – клювовидные и режущие острия, ретушные, двугранные и на углу сломанной заготовки резцы, проколки, ножи. Пластины – вкладыши, пластины со скошенным ретушированным концом, изделия с выемками, концевые скребки, клиновидные топоры. Фрагменты керамики орнаментированы оттисками мелкозубчатого штампа, образующего «елочные» узоры, и ямочными вдавливаниями. Венчики сосудов прямые, в отдельных случаях под венчиками имеются глубокие ямочки вдавления [29, с. 37]. К памятникам эпохи неолита в данном регионе также относятся: Твердовщина [прил.1г], Подселы [прил.16], Прибор, Малая Арава [прил.1в], Бельниччи [прил.16], Лубяны [прил.16], Гута [прил.16], Красная Слобода [прил.16], Техтин [прил.16], [8, с. 454].

Глава 4. Развитие хозяйства и общества в каменном веке бассейна р. Другь

Основу хозяйства финальнопалеолитического человека оставалась охота. Она давала ему одежду, обувь, материалы для производства орудий труда, строительства жилья. С изменением окружающей среды менялась фауна, а соответственно и характер охоты. Главным объектом охоты становится северный олень [18, с. 23]. Чем ниже уровень развития производительных сил общества, тем сильнее его зависимость от окружающей среды, в частности, от объекта охоты для охотничьих обществ. Поэтому методы охоты у первобытных народов всецело продиктованы повадками промышляемых животных [23, с. 129].

Вероятно, по этой причине, а также с распространением лука и стрел загонная система охоты успешно дополняется выслеживанием, преследованием и убийством животного копьем или стрелой. Поколка северного оленя проводилась коллективно осенью и весной во время массовых переправ через водные преграды. Однако в случае неудачной охоты коллектив может распасться и присоединится по частям к другим группам, производящими поколку успешнее. Более продуктивным и соответствующим природно-климатическим условиям приледниковой Европы представляется способ добычи оленей на воде путем метания гарпунов с берега [23, с. 130]. Кроме поделки известен ряд других способов охоты на северного оленя. Позднее происхождение таких способов охоты на северного оленя, как охота с помощью изгородей, кожаных сетей, «искусственная поколка», загон по насту, охота с оленем-манщиком, охота со щитком. Если весной и осенью охотились коллективно во время массовых переправ оленей, то зимой на первое место выходят индивидуальные методы охоты [23, с. 131].

Для этого использовались копыя гарпуны, зимой и летом главным видом охоты становилась индивидуальное выслеживание с убоем животного стрелами. На северного оленя охотились и с помощью ям, выкопанных в снегу и замаскированных, а также траншей, где беспомощное животное становилось легкой добычей, вероятно, ловили и при помощи петель поставленных на оленевых стежках. Для доставки на стоянку добытого взрослого оленя нужны усилия двух человек. Один переносил на спине переднюю, другой – заднюю половины туши. Внутренности заворачивали в

снятую с оленя шкуру и переносили в руках. Если оленя убивали на горе, то скатывали тушу по склону, жертвуя, таким образом, шкурой и внутренностями добытого животного [23, с. 132]. Добычей становились и другие звери и птицы. Кроме мяса северного оленя небольшую роль в рационе играли линная птица (гуси, утки), заяц, куропатка, рыба, растительная пища. В первую половину лета существенным дополнением к питанию были яйца водоплавающих птиц, утки, гуси, пойманные петлями на гнездах. Наиболее примитивный и архаический способ добычи – избиение гусей и уток палками или специальными орудиями, сделанными из оленьего рога и применяющимися для выколачивания снега из меховой одежды [23, с. 133].

Растительную пищу в большом количестве заготавливали на зиму, заливая водой и придавливая гнетом: охотники на северного оленя получали необходимые микроэлементы непосредственно с кровью животного или, поедая «полупереваренную массу из желудка оленя простым путем, получая богатый запас витаминов и йода, содержащийся в лишайниках, которыми питается северный олень» [23, с. 134]. Таким образом, охотники, питавшиеся оленьим мясом, не испытывали потребности в растительной пище, а поэтому роль собирательства в структуре их хозяйства была минимальной.

Что касается способов хранения и употребления продуктов, то при удачной охоте излишки мяса, часто в вяленом виде, складывали на льду озера или реки, обкладывали льдом, щели забивают снегом и обливали водой, которая замерзает. Мясо оленей после весенней поколки часто хранили в холодной проточной воде, где оно сохранялось до конца лета. Летом мясо диких оленей консервировали, провяливая его на солнце. Для провяливания мясо нарезалось большими кусками и развешивалось. Куски часто бывали слишком толстыми, и поэтому мясо внутри их подгнивало. Такое мясо ели только вареным [23, с. 135].

Для своих стоянок люди финальнопалеолитического времени выбирали сухие места на коренных берегах или на участках надпойменных террас. К этому времени археологами обнаружено небольшое количество памятников в данном регионе, что объясняется слабым заселением территории в данный период. Это время когда после долгого перерыва человек только начал снова заселять наши земли, где существовали еще достаточно суровые природные условия. Отсутствие на стоянках толстых культурных отложений, остатков небольших долговременных сооружений и небольшое количество находок свидетельствует, что человеческие коллективы были не только маленькие, но и часто перемещались с места на место. Поэтому стоянки были

преимущественно местами их кратко временного нахождения [18, с. 29]. Площадь поселений была небольшой.

Жилище строилось из жердей, накрывалось, вероятно, корой или шкурой и было в плане овальным или полукруглым. Все исследованные археологами постройки на 20-30 см углублены в землю. Возле размещались кострища и хозяйственные ямы, в которых, вероятно, хранились запасы [18, с. 30]. В летнее время использовались облегченные наземные каркасные конструкции. Проанализировав материалы, исследователи приходят к выводу, что у финальнопалеолитических охотников на северного оленя, скорее всего, было два основных типа жилищ: облегченное летнее и более фундаментальное зимнее [23, с. 134].

Таким образом, зимние дома, вероятно, представляли собой каркасные конструкции конической формы, подокруглые в плане диаметром 3-4 м с очагом в центре и отверстием для выхода дыма на крыше. Зимние дома, в отличие от летних, были углублены в землю на 0,8 м, имели дерновое покрытие и коридорный выход. Летние дома были небольшими наземными каркасными конструкциями. Подокруглые в плане они имели диаметр до 3 м и покрытие из шкур оленей.

Относительно легкие жилища финальнопалеолитических охотников, обитавших в условиях холодного перигляциального климата, дают основание предполагать наличие у них теплой и совершенной одежды. Она представляет собой глухой меховой комбинезон с капюшоном [23, с. 135].

По мнению В.Р. Кабо семья и община являлись основными структурными подразделениями общества как современных, так и древних охотников и собирателей [24, с. 54]. В охотничьих обществах семья насчитывает в среднем пять – семь человек. Такая численность семьи объясняется репродуктивными возможностями женщины в охотничьем обществе, которая может родить и воспитать в условиях охотничьего быта не более семи детей за свою жизнь [23, с. 150]. В последние годы в этнографической литературе утвердилось мнение о повсеместном распространении в обществах пеших охотников и собирателей, как этнографических, так и археологических, вплоть до среднего плейстоцена, общины численностью в среднем 25 человек.

Таким образом, первичной социально-экономической ячейкой общества финальнопалеолитических охотников на северного оленя была семья средней численностью пять – семь человек [45, с. 24]. Пять родственных семей составляли охотничью общину, традиционно владеющую определенными угодьями и, прежде всего, местами коллективных охот.

Семья хозяйствовала самостоятельно, однако для коллективной охоты весной и осенью объединялась с другими семьями общины в единый поселок. Выполнив свою основную функцию, заключающуюся в проведении коллективной охоты с целью создания продовольственных запасов на зиму, общинный поселок существовал некоторое время на заготовленном продовольствии. Отсутствие транспортных средств, исключавшее возможность вывоза мяса с места осенней поковки, дает основание предполагать, что финальнопалеолитические охотники зимнее время проводили в общинных поселениях на месте осенней поковки. К весне запасы мяса иссякали, и поселок распадался на отдельные семьи и небольшие группы семей, которые рассредоточивались по общинной территории или откочевывали на юг в лесотундру, где занимались индивидуальным промыслом оленя на его зимних пастбищах.

Экзогамность общины, специфика воспроизводства и лингвистических процессов в обществе пеших охотников и собирателей дают основание с большой долей вероятности предполагать, что свидерская культура состояла из пяти-шести отдельных протоэтносов по 500-600 человек в каждом, занимавших территорию по 70-80 тыс. кв. км [23, с. 160].

Мезолит – эпоха во всех отношениях переходная: в природе и условиях жизни людей, в инвентаре, в хозяйстве. В этот период сложились предпосылки возникновения земледелия и скотоводства, селекции наиболее полезных для человека растений и domestikации животных – крупного рогатого скота и свиней. Собака стала домашним животным значительно раньше, очевидно, еще в верхнем палеолите [10, с. 35].

В мезолите значительно увеличилось заселение бассейна Друти в сравнении с финальнопалеолитическим временем, о чем свидетельствует большее число мезолитических памятников. Мезолитический человек свои поселения – стоянки – строил на краях надпойменных речных террас или коренных берегах, а также на песчаных возвышенностях и затоках. Одним из главных требований при выборе места жительства было близость богатого рыбой водоема и местонахождений кремня.

Стоянки отличались между собой по размерам и характеру использования. Конкретная родовая община строила основное базовое поселение с долговременным жильем, где могло проживать несколько десятков человек. Сезонные стоянки были небольшими по площади и их использовали короткое время небольшие группы охотников либо отдельные семьи. В местах, богатых кремнем, образовывались специальные мастерские, на которых производилась кремне обработка. Здесь встречается много

кремневых отходов – разнообразных обломков, отщепов, не использованных пластин, а также нуклеусы, с которых получали заготовки для производства орудий труда.

Жильем мезолитических людей на Беларуси были достаточно легкие сооружения, основу которых составляли конструкции из жердей. Они были округлые в плане диаметром около 5 м либо подпрямоугольные [18, с. 31]. Основным типом жилищ на востоке Белорусского Полесья в мезолите была округлая полуземлянка диаметром 2-2,5 м и глубиной 0,3-0,5 м с кострищем посередине. Следы аналогичных конструкций диаметром 2,5-3,8 м обнаружены на неолитических стоянках в Восточной Белоруссии [26, с. 36].

По мнению археологов, такие округлые полуземлянки служили жилищами отдельным малым семьям. Они представляли собой конический каркас из жердей, установленный над округлым углублением диаметром в среднем 3-4 м, покрытый дерном. Вход для утепления нередко снабжался небольшим тамбуром из жердей и веток [26, с. 37].

Широкое распространение полуземлянок указанного типа, вероятно, отчасти объясняется простотой их устройства. Увеличение площади жилищ ограничено необходимостью утяжеления каркаса и в связи с этим усложнения конструкции последнего. Немаловажной причиной единообразия размеров жилищ, очевидно, являлось наличие стабильной по численности первичной ячейки общества – малой семьи, обитавшей в таких жилищах [22, с.120].

Кроме собственно жилищ существовали краткосрочные убежища, где охотник проводил одну или несколько ночей. Было два главных типа поселений с характерными жилищами. Летом они, как правило, обитали посемейно в легких шалашах различной конструкции на берегах водоемов, занимаясь рыбной ловлей. Зимой жили на более высоких и сухих местах в полуземлянках по одной - три семьи в каждой, промышляя главным образом охотой в лесу [22, 122].

Основой хозяйства мезолитического населения по-прежнему оставалась охота. При этом в условиях лесной зоны оно велось в основном с помощью лука. Об этом свидетельствует то, что на каждой мезолитической стоянке встречаются пластинчатые наконечники стрел. Разнообразные геометрические микролиты – трапеции, треугольники и другие, а также ланцетовидные острия в большинстве являются наконечниками. Лук изготавливался из твердых пород дерева – вяза, дуба. Они имели насечки для привязывания тетивы, а по середине небольшое углубление для руки. Длина лука редко превышала 150-180 см. Стрелы были деревянные и возможно

костяные. Их длина вместе с наконечником составляла 70-90 см. На одном конце делали выемку для упора на тетиву, на другой крепили наконечник — кремневый, костяной или деревянный. Были стрелы и более примитивные с целой деревянной заготовкой, с которой вырезали даже наконечник. Эффективным охотничьим орудием было и копьё.

Способы охоты на больших животных в мезолите были разнообразные. Наиболее часто использовался гон-преследование одним или несколькими охотниками животного до его изнеможения. Особенно эффективным этот способ был по первому снегу, тем более с использованием лыж. Многие из наиболее эффективных охотничьих и рыболовных приемов, лежавших в основе экономики первобытных охотников лесов умеренного пояса, основаны на использовании таких транспортных средств, как лыжи, ручные нарты, лодки [22, с. 103].

Распространенной добычей мезолитического человека и мелкая лесная дичь — зайцы, лисицы, барсуки другие, а также птицы — утки, гуси и другие [18, с. 53]. На них охотились преимущественно из лука. Бесспорно, что использовали также различные петли, сети и другие приспособления. Не вызывает и сомнений и то, что мезолитический человек на охоте использовал своих собак.

Таким образом, данные археологии свидетельствуют, что охотники лесной зоны Европы в мезолите пользовались теми же традиционными для охотничьего хозяйства лесов умеренного пояса приемами и средствами, что и этнографические охотники тайги до их контакта с цивилизованными соседями. Основные из них — это различные виды гона, загона, скрада и простейшие ловушки, использование примитивных транспортных средств (лыжи, ручные нарты, лодки) и простейшего метательного вооружения (луки, стрелы, дротики), широкое привлечение для охоты собак. Становление этих приемов, средств и навыков охоты тесно связано с формированием лесной зоны умеренного пояса, которое происходило в раннем голоцене [22, с. 11].

Значительную роль в среднекаменном веке играло и рыболовство. Об этом свидетельствует тот факт, что непосредственно в мезолите появились первые специализированные рыболовные снасти — крючки с леской. Добывали рыбу также костяными гарпунами и устями. В позднемезолитическое время начали использовать сети, что в значительной мере увеличило продуктивность рыболовных усилий. В самом конце эпохи в узких речных местах с кольев и жердей начали строить заколы. Следы использования лодок, рыболовных заколов и вершей, гарпунов, сетей, крючков на мезолитических памятниках свидетельствуют о том, что методы

ловли рыбы этнографических охотников и рыболовов тайги начали формироваться в раннем голоцене и окончательно сложились, вероятно, в неолитическое время [22, с. 113]. Являясь вспомогательной отраслью присваивающей экономики по отношению к охоте на копытных, рыболовство в мезолите проходило этап становления. Именно в это время выработаны основные приемы добычи рыбы, которые получили широкое распространение в неолите лесной зоны в связи с промышленным поголовьем копытных мезолитическими охотниками. Невозможность дальнейшего существования только за счет охоты на копытных, ввиду уменьшения их численности, привела к переходу населения лесной зоны Европы к рыболовству как основе экономики северного неолита [22, с. 116].

Мясо составляло основу питания мезолитического человека. Оно в некотором смысле дополнялось растительной пищей, которую поучали собирательством. Однако непосредственно собирательство начало занимать важное место в их хозяйстве только в конце эпохи. Кроме добычи еды в лесу, на болоте или водоеме человек каменного века имел много других забот — обработка шкуры и шитье из нее одежды и обуви, строительством жилья, изготовление орудий труда и оружия [18, с. 54].

Благоприятный климат, максимально успешное развитие охотничье-рыболовно-собирательного хозяйства самым положительным образом повлияло на пророст населения, что стало заметно уже в раннем неолите. Распространение в дальнейшем производительных форм хозяйства приблизило это явление. Демографические процессы наглядно проявились в резком увеличении количества неолитических поселений.

Оседлость здесь надо понимать не абсолютно, т. е. не как многолетнее постоянное обитание на одном поселении, а как освоение площади гораздо меньшего размера, но гораздо интенсивнее, чем прежде. В результате количество поселков и временных стоянок каждой общины несколько сократилось, но зато их заселение людьми стало более регулярным и более длительным, т. е. и культурный слой стал более мощным [24, с. 239]. Вместе с тем, несмотря на встречающиеся исключения, неолитические общины отличались от мезолитических и палеолитических большей степенью оседлости.

В особенно богатых зверями и рыбой местах они образовывали целые скопления. Материальная культура и в первую очередь кремневые изделия, которыми пользовались ранне-неолитические жители на Друти, много в чем похожа на ту, которая была характерна для местного населения и в предыдущее поздне-неолитическое время. Поэтому следует, что общество

конца среднекаменного века естественным образом трансформировалось в общество раннеолитическое [18, с. 37]. Усложнение общественной и хозяйственной жизни проявилось и в характере поселений. Жилье было по-прежнему деревянным, но оно начало углубляться в землю, имело круглый или овальный план. При строительстве домов в неолите использовались такие основные виды сырья, как дерево и глина, реже — камень [24, с. 241]. В центре жилья в небольших углублениях пола находились кострища, здесь же имела яма глубиной до одного метра, вероятно, какого-то хозяйственного назначения. Наблюдается и определенная планировка поселений. Возле жилищ также находятся кострища и хозяйственные ямы [18, с. 41].

Значительные изменения в неолите произошли в первобытной технике. Широкое распространение получили каменные топоры, тесла, долота, появилось большое количество крупных, новых по форме каменных орудий, прежде всего орудий для обработки дерева. Вместе с тем в неолите совершенствовались старые способы обработки камня. В ряде мест, особенно на юге, сохранялись микролиты. В это время широко распространяется появившееся еще раньше шлифование при изготовлении каменных топоров, тесел и других рубящих орудий. Люди научились не только шлифовать, но и пилить, и просверливать отверстия в камне. Шлифованные топоры и тесла были довольно совершенными орудиями. С их помощью стала возможной постройка деревянных жилищ, изготовление лодок и различных приспособлений из дерева [10, с. 48].

В раннем неолите еще наблюдается рост присваивающего хозяйства — охоты, рыболовства, собирательства, но в этих занятиях в конце эпохи начали происходить кризисные явления в связи с ухудшением климата и чрезмерным использованием природных ресурсов. Для компенсации нехватки питания они начали искать альтернативу, что привело к появлению земледелия и скотоводства.

Богатая фауна и флора, которая расцветала в условиях теплого и влажного климата в раннеолитическое время, способствовала дальнейшему присваивающих форм хозяйства, о чем свидетельствуют находки на памятниках.

Улучшение охотничьего оружия, наконечники стрел и копий приобретают более совершенные формы и обрабатываются ретушью. В местах бедных на кремь широко распространились костяные и роговые наконечники стрел и кинжалы. В неолите достигло расцвета и рыболовство. Среди хозяйственных занятий значительное место занимало собирательство.

В неолитическую эпоху, особенно в ее поздний период, древнее население Дрuti начало овладевать значительно более прогрессивными формами хозяйства – земледелием и скотоводством. Данные археологии свидетельствуют, что уже в 10 – 8 тыс. до н. э. в Малой Азии сложились предпосылки для возникновения земледелия, которые связаны с регулярным сбором злаков (дикой пшеницы и дикого ячменя). Примером является население натуфийской культуры, обитавшего в Палестине и Иордании [24, с.321]. В материалах этой культуры известны первые примитивные серпы и жатвенные ножи из вкладышей.

Предпосылки скотоводства лежат в доместикации животных, известного еще с верхнего палеолита, когда человек приручил собаку. Процесс приручения был длительным и связан, прежде всего, с необходимостью получения мяса, шерсти, кожи, меха и использования тягловой силы [9, с. 29]. Установлено, что к 9 тысячелетию до н. э. были одомашнены овцы (Зави-Чеми-Шанидар в Ираке), затем козы (Иерихон, Джармо), крупный рогатый скот и свиньи. Во 2 тысячелетии до н. э. стала использоваться лошадь. В Джармо в 7 – 6 тысячелетии до н. э. известны находки костей кошки [24, с.239].

Одним из главных достижений эпохи неолита было изобретение и распространение керамики («керамос» от греческого – глина), возникновение которой с полным основанием можно связывать с развитием оседлого образа жизни на основе рыболовства, усложненного собирательства растительной пищи или земледелия. Первая керамика появилась 11 тыс. лет назад (Дальний Восток). На территории Палестины Иордана в 9-8 тыс. до н. э. В лесной зоне Восточной Европы 6-5 тыс. лет до н.э [6, с.461]. Лавры первенства за этим изобретением закреплены за женщиной как хранительницей домашнего очага. Появление глиняных сосудов помогло усовершенствовать способы хранения и готовки пищи, а гончарный процесс в некоторой степени мог послужить предпосылкой для развития металлургии [24, с.242]. Первые сосуды были остродонными или округлодонными. Изготавливались они ленточным способом, когда одна глиняная лента налепливалась на другую по спирали. В тесто при лепке для прочности сосуда добавляли разные примеси: песок, дрсву, ракушку, навоз. Затем сосуды обсушивали на солнце или обжигали на костре.

Таким образом, как ни велика была роль перечисленных выше достижений неолитической культуры, однако главным завоеванием неолита, имевшим поистине всемирно-историческое значение, явился переход к производящему хозяйству, развитие в неолите земледелия и скотоводства.

Заключение

В результате изучения установлено, что освоение и заселение данного региона началось в финальном палеолите о чем свидетельствуют памятники этого периода (Чигиринка, Вишенька). Одним из ярких поселений является стоянка у д. Чигиринка на правом берегу р. Друть, имеющая прямое отношение к проблеме первоначального заселения региона. К сожалению, в песчаных почвах, где залегают культурные остатки, не сохраняются ни кость, ни дерево, и единственным источником информации о давно ушедших временах являются кремневые орудия труда и продукты расщепления кремня - нуклеусы, пластины, отщепы, мелкие осколки и чешуйки. Отражением производственной деятельности первобытных людей в археологическом материале являются, прежде всего, орудия труда. Люди прошлого из пластин и отщепов путем ретуширования (мелких сколов) создавали самые различные изделия, с помощью которых строили жилища, охотились, шили одежды, занимались промыслами. Многие каменные орудия (ножи, сверла, резцы) по своей конфигурации напоминают современные. Набор кремневого инвентаря, очевидно, полностью удовлетворял потребности обитателей стоянки. Он типичен для данной эпохи и не слишком разнообразен. Большая часть орудий была связана с охотой. Это охотничье оружие (наконечники стрел, острия), инструменты для разделки мяса, снятия и обработки шкур убитых животных (ножи, скребки, проколки), дерева (топоры), орудия для обработки кремня (отбойники, ретушеры), кости (резцы) и т.п. Именно они являются ценнейшим даром предков современным исследователям, помогающим раньше или позже вернуть из глубин исторической памяти многое из того, что составляло повседневную жизнь наших предшественников.

Заселению и освоению территории региона в глубокой древности способствовал целый ряд благоприятных факторов: выгодное географическое положение на водных торговых путях, разнообразие природных условий и богатство природных ресурсов. Географические особенности заключаются, прежде всего, в наличии транзитной магистрали – р. Друть, что позволяло первым поселенцам передвигаться в различных направлениях, легко перемещаться по ее притокам и осваивать разнообразные ландшафты, являющиеся весьма важным фактором, определяющим характер заселения в древности. Свойства ландшафтов воздействуют на расселение не сами по себе, но преломляясь через хозяйственную деятельность населения, благопри-

ятствуя одним способам ведения хозяйства и замедляя другие. Однако более интенсивное заселение происходит в мезолите. Данные палеогеографии свидетельствуют, что после окончания ледниковой эпохи значительных всепланетных климатических колебаний не происходило. Отмечаются лишь некоторые периоды относительного похолодания или потепления, которые не имели существенного значения в жизни древних людей. Завершение ледникового периода совпало с началом мезолита - археологической эпохи, следующей за палеолитом. Эпоху мезолита можно считать временем адаптации древних людей к изменившимся природным условиям. В течение относительно короткого исторического периода (два-три тысячелетия) первобытные охотники, привыкшие к суровой арктической природе, превратились в жителей умеренной лесной зоны с иным растительным и животным миром. Примерно 10 тыс. лет назад основная часть ледников растаяла. Около 9 тыс. лет назад наступил теплый и сухой бореальный период, а через тысячелетие — теплый и дождливый атлантический. С потеплением климата пути циклонов переместились с юга на север Европы. Таким образом, на протяжении голоцена ландшафты бассейна р.Друть постепенно приобрели свой нынешний вид. Именно в мезолите была заселена полностью и окончательно вся территория этого региона, а людей эпохи мезолита можно назвать первопроходцами в освоении многих ранее не обжитых земель.

Значительные климатические изменения существенно повлияли на образ жизни и хозяйственную деятельность первобытных людей, создали условия для новых культурных достижений. Люди изобрели новые технические средства для охоты, рыбной ловли, строительства.

Местные условия благоприятствовали также развитию рыболовства. Именно оно стало для человека первым шагом к оседлости, пусть даже временной. Сочетание охоты и рыболовства позволяло избегать кризисных ситуаций. Неудача на охоте компенсировалась рыбными запасами, а также собирательством — присвоением готовых даров природы — грибов, ягод, молодых побегов растений, съедобных корней и пр.

На сегодняшний день в бассейне р. Друть известны мезолитические стоянки Прибор и Веричев.

Каменный век завершает эпоха неолита. Переход от мезолита к неолиту — новому каменному веку — произошел в конце V — начале IV тыс. до н.э. Новым в неолите был не камень, а идеи, которые в него вкладывал первобытный труженик. Эпоха неолита, как и все предшествующие, была временем дальнейшего совершенствования техники обработки камня. Хрупкий кремьнь уже не всегда мог удовлетворить человека. В результате появились новые материалы, более мягкие и вязкие, которые не ломались при

ударе (песчаник, диорит, сланец и др.), и новые способы их обработки (пиление, шлифование, сверление), позволившие использовать мелкозернистые и кристаллические породы, дающие возможность воплотить в жизнь любую идею мастера, достигнуть удивительного совершенства формы при максимальной целесообразности. Уместно отметить, что эти операции осуществлялись преимущественно с помощью каменных и костяных орудий.

Широкое распространение получили рубящие орудия - топоры, тесла, долота. Изготовить топор было не так уж трудно. К этому времени относится такое важное открытие, как изобретение керамики, с производством которой человек стремительно шагнул в новую эпоху. Из мягкой и податливой глины древние мастера создали первый искусственный камень — керамику, в которую превращается глина при обжиге, сохраняя приданную ей форму. Исследователи считают, что тайны изготовления глиняной посуды впервые постигла женщина. Глиняный горшок был не просто первой емкостью для приготовления и хранения пищи. Он стал хранителем жизни, прообразом холодильника, склада и пр. Появление посуды было необходимым условием для последующего развития охоты, рыболовства и собирательства, перехода к оседлому образу жизни. Появилась возможность создавать постоянные запасы пищи, что избавляло от повседневной заботы о ней, позволяло использовать свободное время на творчество, на познание окружающего мира. Среди неолитических стоянок, обнаруженных на территории региона можно назвать следующие: Уголтщина, Подсёлы, Прибор, Гута, Техтин, Малая Арава, Лубяны, Красная Слобода, Бельниччи.

Собранные на стоянках коллекции можно разделить на ряд групп по функциональному назначению. Это средства для обработки дерева, кожи и кости: топоры, тесла, скребки, резцы, скобели, проколки. Здесь же оружие охоты и рыболовства — наконечники стрел и дротиков, ножи; для обработки камня — отбойники и ретушеры. По этому набору кремневого инвентаря легко представить основные виды хозяйственной деятельности.

Фрагменты глиняной посуды указывают на то, что жители этих поселений пользовались большими (до 30 см высоты) толстостенными сосудами, с округлым или приостренным дном, орнаментированными под венчиком ямочными вдавлениями, а на стенках сосудов - отпечатками гребенчатого штампа в виде «елочки». Материалы раскопок дают отчетливое представление о своеобразной древней культуре, которую археологи назвали верхнеднепровской. Исследователи считают, что своим происхождением она обязана местному мезолитическому населению.

Дипломную работу выполнила
Студентка V курса гр. «Б»
Дневного отделения исторического факультета

8 мая 2009 г.

A handwritten signature in black ink, appearing to be 'Т. Г. Барановская', written in a cursive style.

Т. Г. Барановская

Список литературы:

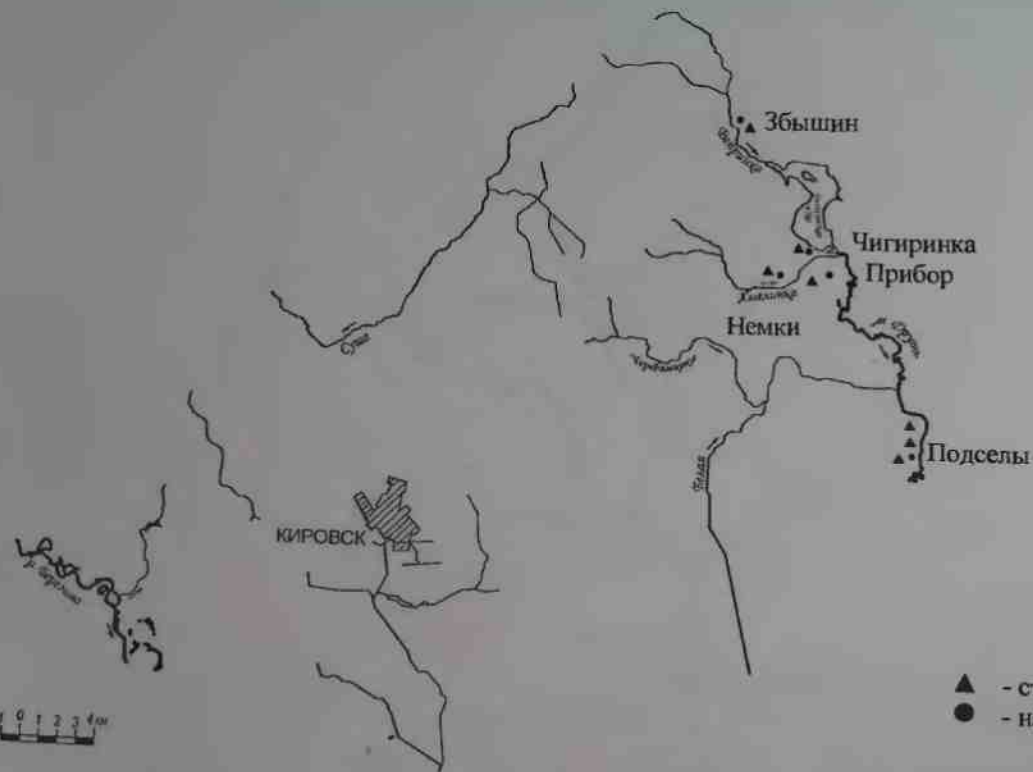
1. Авдусин Д. А. Археология СССР. – М.: Наука и техника, 1977. – 272 с.
2. Алексеев Л. В. Археология и краеведение Беларуси: 16 век – 30-е годы 20 века. – Мн.: Беларуская навука, 1996. – 208 с.
3. Алексеев Л. В. Белорусская археология и историческое краеведение во второй половине XIX – начале XX века // Советская археология. – 1968. – №3. – С.85-99.
4. Алексеев Л. В. Очерки истории белорусской дореволюционной археологии и исторического краеведения до 60-х годов XIX века // Советская археология. – 1967. – №4. – С.146-163.
5. Археалогія Беларусі: у 4-х тт. Т. 1. Каменны і бронзавы вякі / Э. М. Зайкоўскі, Е. Г. Калечыц і інш, пад рэд. М. М. Чарняўскага, А. Г. Калечыц. – Мн.: Беларуская навука, 1997. – 424 с.
6. Археалогія і нумізматыка Беларусі: энцыклапедыя / Рэдакцыйная калегія: В. В. Гетаў, Я. В. Малашэвіч і інш. – Мн: БелЭн, 1993. – 702 с.
7. Археологические открытия 1980 г. – М.: Наука, 1981. – 451 с.
8. Археологические открытия 1985 г. – М.: Наука, 1987. – 478 с.
9. Археология старого и нового света / Отв. ред. Н. Л. Мерперт. – М.: Наука, 1966. – 216 с.
10. Бабаян Г. В. Основы археологии. – Р-н-Д.: Феникс, 2004. – 156 с.
11. Бадер Н. О. Мезолит // Каменный век на территории СССР. – М.: Наука, 1970. – С. 90-102.
12. Белорусская археология: Достижения археологов за годы советской власти / В. Ф. Исаенко, Е. Г. Калечиц и др.; ред. кол. В. Г. Штыхов и др. – Мн.: Наука и техника, 1987. – 125 с.
13. Блакітны скарб Беларусі: энцыклапедыя: рэкі, азёры, вадасховішчы. – Мн.: Беларуская энцыклапедыя, 2007. – 480 с.
14. Будько В. Д., Митрофанов А. Г. Археология Белоруссии за советский период // Советская археология. – 1967. – №4. – С.123-135.
15. Вяргей В. С. Археалагічная навука ў Беларускай ССР 1919 – 1941. – Мн.: Навука і тэхніка, 1992. – 144 с.
16. География Могилевской области. – Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2004. – 420 с.
17. География: справочник школьника / сост. Т. С. Майоров. – М.: Центр гуманитарных наук, 1996. – 576 с.

18. Гісторыя Беларусі. У 6-ці тт. Т. 1. Старажытная Беларусь. Ад першапачатковага засялення да сяр. XIII ст. – Мн.: Экаперспектыва, 2001. – 351 с.
19. Гурина Н. Н. Неолит лесной и лесостепной зон Европейской части СССР // Каменный век на территории СССР. – М.: Наука, 1970. – С. 134-155.
20. Ермолова Н. М. Формирование мезолитической культуры в связи с природной обстановкой // Краткие сообщения Института археологии. – 1977. – Вып. 149. – С. 19-26.
21. Зайкоўскі Э. М. Разведкі на Друці / Гістарычныя лесы Верхняга Падняпроўя: Рэгіянальная навуковая канферэнцыя. – Ч.1. – Магілёў, 1995. – С. 84-96.
22. Зализняк Л. Л. Население Полесья в мезолите. – Киев: Наука думка, 1991. – 235 с.
23. Зализняк Л. Л. Охотник на северного оленя Украинского Полесья эпохи финального палеолита. – Киев: Наука думка, 1989. – 217 с.
24. История первобытного общества. Эпоха первобытно родовой общины / Отв. ред. Ю. В. Бромлей. – М.: Наука, 1986. – 432 с.
25. Каваленя А. З. Археалагічныя розшукі ў вярхоўях рэк Друці, Усяжа, Бука, Лукомкі // Працы секцыі археалогіі. Т. 3. – Мн., 1932. – С. 132-144.
26. Калечиц Е. Г. Памятники каменного и бронзового веков Восточной Белоруссии. – Мн.: Наука и техника, 1987. – 155 с.
27. Калечиц Е. Г. Первоначальное заселение территории Беларуси. – Мн.: Наука и техника, 1984. – 159 с.
28. Каменный век на территории СССР. – М.: Наука, 1970. – 307 с.
29. Копытин В. Ф. Археологические памятники Бельничского района. – Могилёв.: МГУ им. А. А. Кулешова, 1993. – 98 с.
30. Копытин В. Ф. Археологические памятники Быховского района. – Могилёв.: МГУ им. А. А. Кулешова, 1995. – 252 с.
31. Копытин В. Ф. Археологические памятники Кировского района. – Могилёв.: МГУ им. А. А. Кулешова, 2002. – 198 с.
32. Копытин В. Ф. Археологические памятники Круглянского района. – Могилёв.: МГУ им. А. А. Кулешова, 1991. – 59 с.
33. Копытин В. Ф. К истории археологического изучения Могилевщины в дореволюционное время // Магілёўшчына. – 1995. – Вып. VI. – С. 5-11.
34. Копытин В. Ф. Каменный век на территории Беларуси: Учебное пособие. – Мн. 1990. – 96 с.

35. Копытин В. Ф. Мезолит Юго-Восточной Белоруссии // Краткие сообщения Института археологии. – 1977. – Вып. 149. – С. 60-64.
36. Копытин В. Ф. Некоторые итоги изучения Гренской стоянки // Гістарычна-археалагічны зборнік. – 1994. – №5. – С. 34-42.
37. Копытин В. Ф. О заселении Верхнего Поднепровья в позднеледниковое время // Магілёўшчына. – 1994. – Вып. V. – С. 3-9.
38. Копытин В. Ф. Отчет о раскопках стоянки Чигиринка 1993-1994 гг. // Научный архив Могилевского областного краеведческого музея. НА – 1115.
39. Копытин В. Ф. Памятник финального палеолита и мезолита Верхнего Поднепровья. – Могилев.: МГУ им. А. А. Кулешова, 1992. – 87 с.
40. Копытин В. Ф. У истоков гренской культуры. Боровка. – Могилев.: МГУ им. А. А. Кулешова, 2000. – 143 с.
41. Копытин В. Ф. Финальный палеолит как историческая эпоха // Гістарычна-археалагічны зборнік. – 2005. – №20. – С. 5-14.
42. Ксензов В. П. Палеолит и мезолит Белорусского Поднепровья. – Мн.: Наука и техника, 1988. – 134 с.
43. Мезолит СССР // Археология СССР с древнейших времен до средневековья: в 20 т. – М.: Наука, 1989. – 252 с.
44. Неолит Северной Евразии // Археология СССР с древнейших времен до средневековья: в 20 т. – М.: Наука, 1996. – 261 с.
45. Охотники, собиратели, рыболовы. – Л.: Наука, 1972. – 195 с.
46. Палікарповіч К. М. Досьледы культур каменнага і бронзавага перыядаў у БССР у 1930 – 1931 гг. // Працы секцыі археалогіі. Т. 3. – Мн., 1932. – С. 7-14.
47. Поликарпович К. М. Археологические исследования в БССР в 1945 – 1953 гг. // Материалы по археологии БССР. Т. 1. – Мн, 1957. – С. 54-69.
48. Природа Беларусі: Энцыклапедыя ў 5-ці тт. Т. 1. – Мн.: Беларуская Савецкая энцыклапедыя імя П. Броўкі, 1982. – 517 с.
49. Природа Беларусі: Энцыклапедыя ў 5-ці тт. Т. 2. – Мн.: Беларуская Савецкая энцыклапедыя імя П. Броўкі, 1984. – 541 с.
50. Природа Беларусі: Энцыклапедыя ў 5-ці тт. Т. 3. – Мн.: Беларуская Савецкая энцыклапедыя імя П. Броўкі, 1984. – 523 с.
51. Природа Беларусі: Энцыклапедыя ў 5-ці тт. Т. 4. – Мн.: Беларуская Савецкая энцыклапедыя імя П. Броўкі, 1985. – 511 с.
52. Рэспубліка Беларусь. Вобласці і раёны: энцыклапедычны даведнік. – Мн.: БелЭн, 2004. – 568 с.

53. Чернявский В. М. Раскопки неолитического поселения у д. Угольщина Бельничского района / Гістарычныя лесы Верхняга Падняпроўя: Рэгіянальная навуковая канферэнцыя. – Ч. 1. – Магілёў, 1995. – С.84-89.

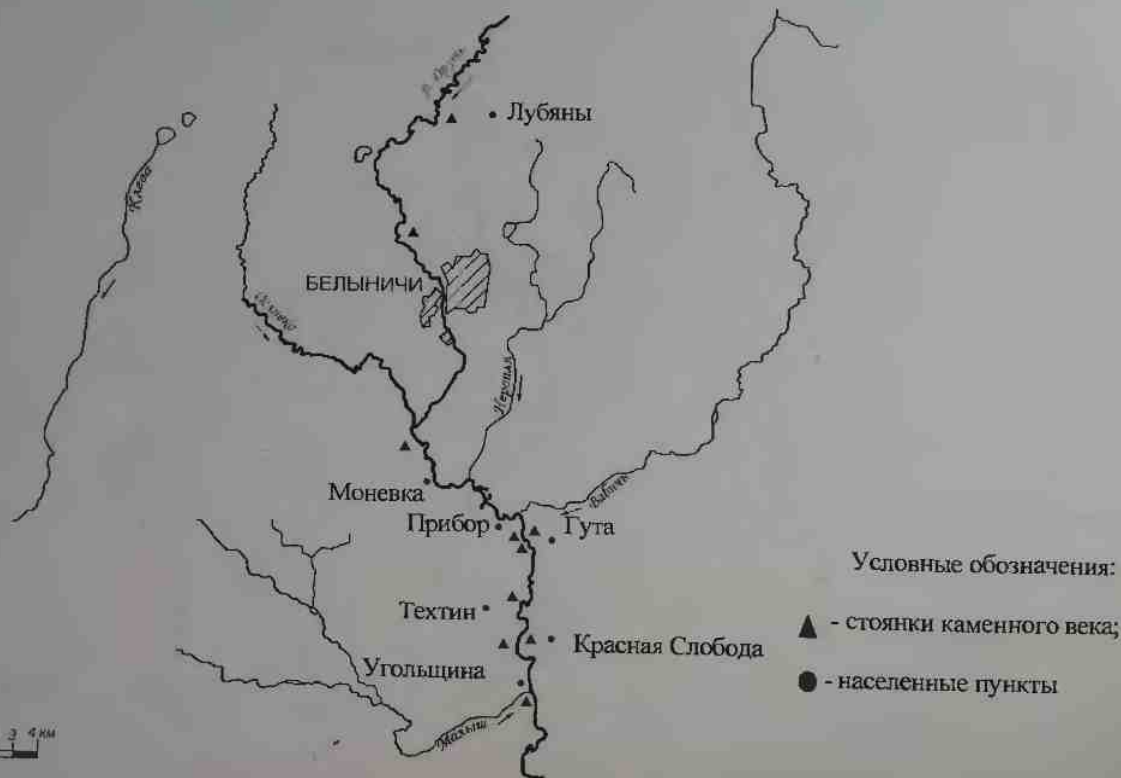
ПРИЛОЖЕНИЕ 1а
Памятники каменного века бассейна р.Друть, Кировского района

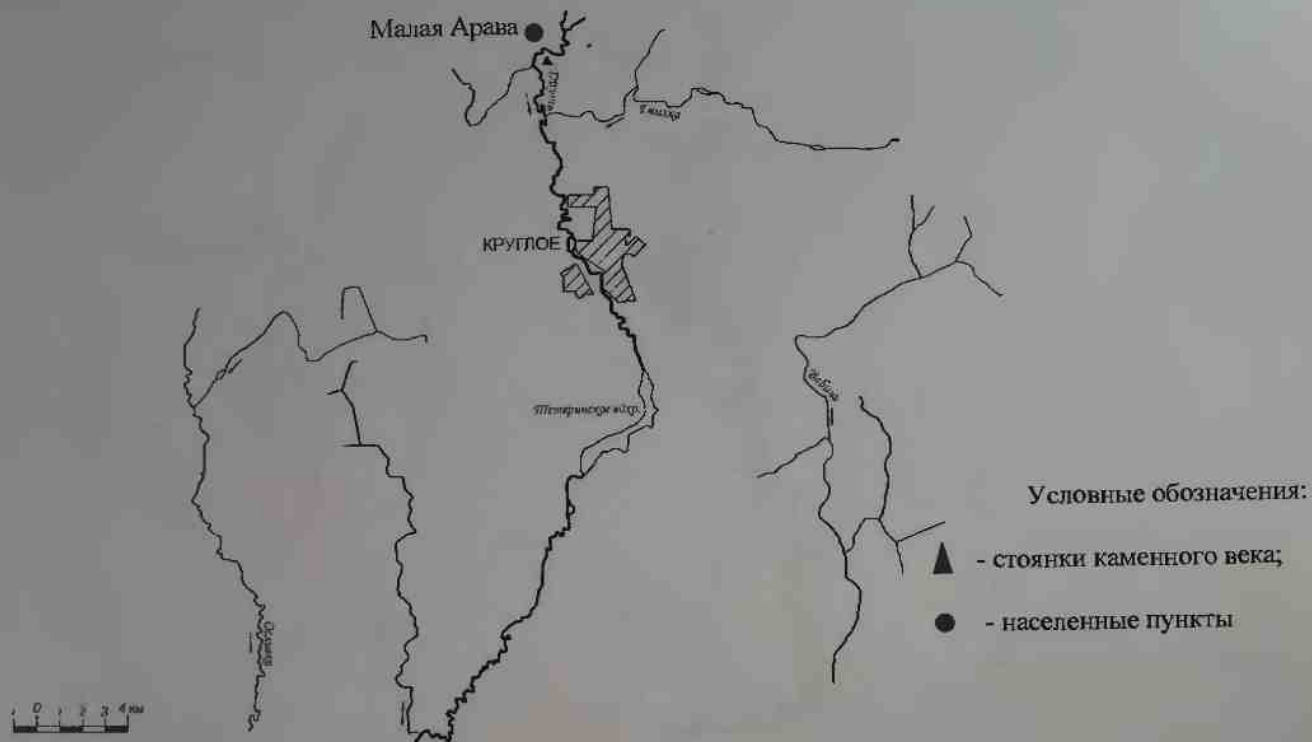
Условные обозначения:

- ▲ - стоянки каменного века;
- - населенные пункты

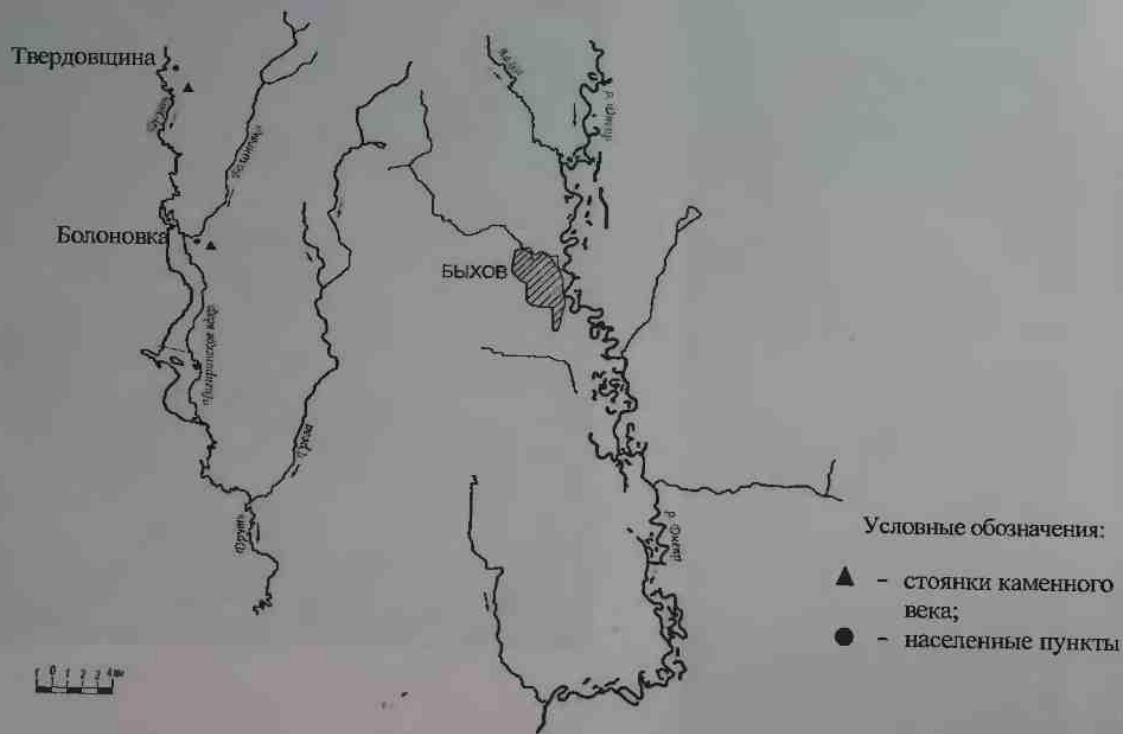
ПРИЛОЖЕНИЕ 16
Памятники каменного века бассейна р.Друть. Бельничский район

ПРИЛОЖЕНИЕ 1в
Памятники каменного века бассейна р.Друть. Круглянский район

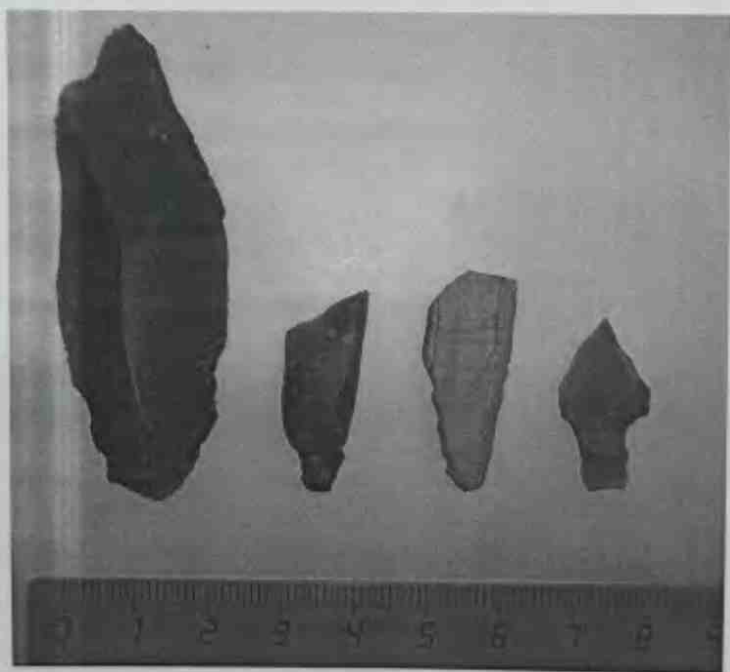

ПРИЛОЖЕНИЕ 1г
Памятники каменного века бассейна р.Друть. Быховского района

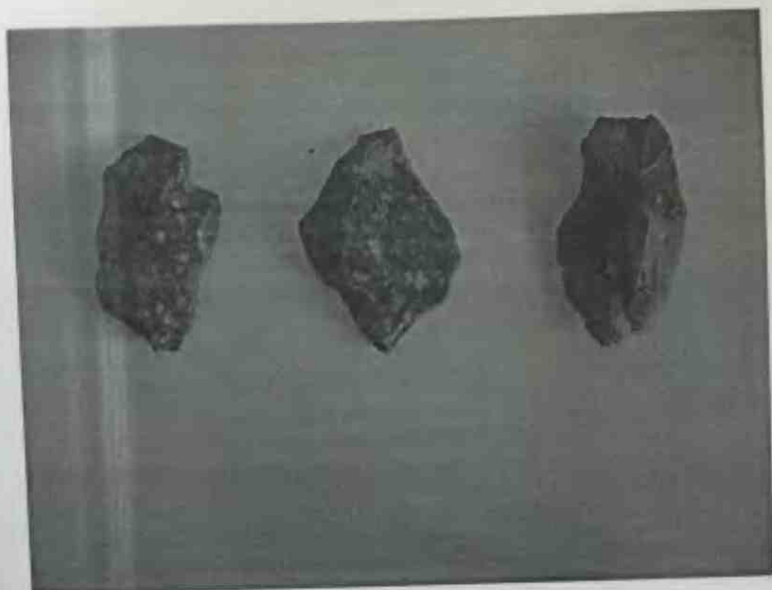

а

б

Рис.1. Чигиринка. Скребки (а), наконечники (б)

а

б

Рис. 2. Чигиринка. Острия (а), топор (б)

а

б

Рис. 3. Угольщина-П. Наконечники дротиков (а) и тесло (б)

а

б

в

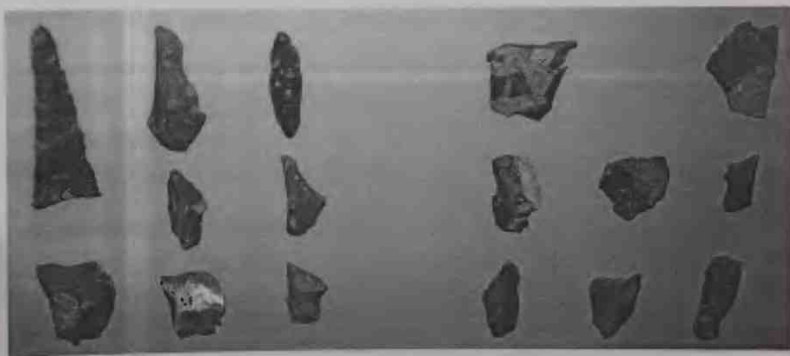
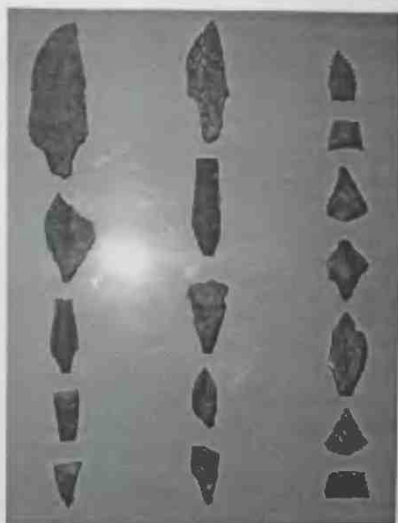

Рис.4. Угольщина-II. Топоры (а), проколки (б), скобели (в)

а

б

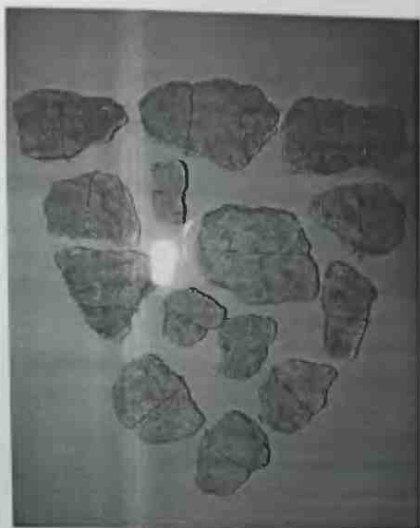
в

Рис. 5. Угольщина-II. Резцы (а), наконечники (б), скребки (в)

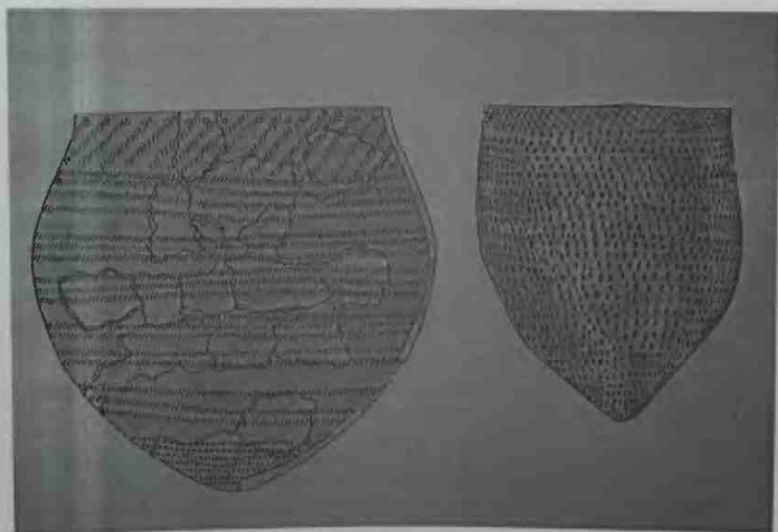
Рис. 6. Чигиринка. Фрагменты керамической посуды

а

б

в

Рис. 7. Угольщина-П. Керамическая посуда (а) и (б), реконструкция посуды верхнеднепровской культуры (в)